

The background of the cover is a painting. It depicts three figures standing on a dark, silhouetted ridge or cliff. They are looking out over a vast, flat landscape under a sky with a gradient of colors from dark blue at the top to a warm, orange-pink glow near the horizon. The figures and the landscape below are reflected in a body of water in the foreground. The overall mood is contemplative and mysterious.

БЕЗДНА

МАРК ПЕРОВСКИЙ

Марк Перовский

Бездна

«Издательские решения»

Перовский М.

Бездна / М. Перовский — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-905425-8

Бездна поглотит всех. Она —местилище пороков и страхов, погибших надежд и разбитого будущего. Там живут те, кто в силах решать, кому жить, а кому умереть. И, кажется, только один человек на всей бральной земле может видеть, как они поглощают весь мир. И, к сожалению, он не знает, что со всем этим делать. Но понимает лишь одно: Бездна поглотит всех.

ISBN 978-5-44-905425-8

© Перовский М.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие от автора	6
Глава I	7
Глава II	11
Глава III	15
Глава IV	20
Глава V	25
Глава VI	29
Глава VII	34
Глава VIII	39
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Бездна

Марк Перовский

Дизайнер обложки Katherine Lam

© Марк Перовский, 2018

© Katherine Lam, дизайн обложки, 2018

ISBN 978-5-4490-5425-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие от автора

Эту книгу я писал дольше всех остальных своих произведений и, как мне кажется, не зря. В ней я собрал все свои мысли и чувства, рассказал о том, что думаю на самом деле о дружбе, любви, жизни и смерти. Каждое слово, каждая реплика главного героя – это моя реплика, потому что я писал этого персонажа с себя. Он неидеальный, в нём много недостатков и большое количество грехов, лежащих на душе.

Данное произведение – самая большая и объёмная работа последних лет. В ней собраны все события последних месяцев 2017-го года и начала 2018-го. И связаны эти события с моими друзьями.

Именно им и посвящена эта книга. И я надеюсь, что она понравится и всем остальным, кто решит узнать, что же скрывается под обложкой.

Тому, кто значил для меня всё.

«Свобода – это возможность выбирать, отчего тебе будет больно».

Глава I

Первый снег был для меня символом смерти. В ноябре, когда с серого неба только начинают падать первые влажные хлопья снега, превращающиеся на следующее утро в грязь и слякоть, умирают чаще всего. Сколько лет я наблюдал эту странную закономерность, сколько раз приходил на чьи-нибудь похороны на старом кладбище, где даже не было именных надгробий – одни деревянные кресты да могильные холмики, – сколько мне было тошно смотреть на до ужаса бледные лица мертвецов. Но каждый раз я повиновался незримому ведению сердца и продолжал идти по этому колесу Сансары словно замороженный... красотой гибели.

И в тот день, когда всё начало меняться, я вновь заглянул смерти в глаза. И едва смог отвести взгляд.

Кто бы мог подумать, что обычная прогулка в лесу может обернуться чем-то ужасным? Кто бы мог подумать, что это запустит ту цепь событий, за которую мне стыдно больше всего в моей жизни? Никто.

Я бежал по лесу вот уже несколько минут, но погоня не отставала. Дыхание сбилось, лёгкие, да и всё тело одеревенели, морозный воздух обжигал изнутри, но остановиться я уже не мог себе позволить. В тот момент мне пришлось сделать выбор – своя жизнь или жизнь другого.

Перед глазами всё ещё всплывал помутневший от адреналина в крови образ мужчины, лежащего на холодной земле. Кровь на снегу, на одежде, лице – везде и всюду. Над ним склонился мой старый знакомый – Закари. В его глазах пылал огонь неудержимой ярости, жажды мести. Я наткнулся на них случайно, но именно это и повергло меня и многих других в пучины беспробудного мрака.

Закари убил мужчину прямо у меня на глазах, просто воткнул нож в горло, затем в живот, медленно потроша свою жертву. Я стоял поодаль, надеясь, что тот меня не заметит, но стоило мне сделать шаг назад в надежде скрыться, забыть о том, что видел, как предательски хрустнула под ногой иссохшая ветка. Закари обернулся и тут же кинулся на меня.

И теперь мне оставалось лишь бежать всё дальше и дальше, вглубь леса, молясь всем известным богам о том, чтобы в этот несчастный ноябрьский день я остался в живых.

– Стой! Стой, я тебя всё равно достану! – кричал он мне откуда-то сзади. Его голос срывался, ужасно хрипел, но жажда жизни была сильнее, и с каждым его словом я будто бы ускорялся. Вокруг всё превращалось в одно сплошное пятно серой грязи, но передо мной, вдали блестел слабый огонёк – то ли галлюцинация, то ли свет цивилизации.

– Хватит! Я тебя не трону! – продолжал он кричать, но я не поддавался на этот дешёвый трюк. Мы оба знали, что он убьёт и меня, чтобы больше не осталось свидетелей.

Каждая минута погони растягивалась вплоть до вечности, я выбивался из сил, и где-то в голове промелькнула мысль о том, что мне суждено умереть прямо здесь и сейчас.

Однако пробежав ещё несколько метров я почувствовал как гравитация с огромной скоростью потащила меня вниз.

Удар.

Ещё удар.

Холодная земля крутого обрыва оказалась жёсткой, с торчащими корнями многовековых деревьев, с грязью и снегом, заваливающимся за шиворот и даже в рот. Я катился вниз несколько секунд, после чего на пару мгновений наступила тьма.

В то мгновение обезоруживающей пустоты и тишины я только и мог думать, что о смерти. Она была везде, всегда, она была частью нашей и без того невеселой жизни, как, например, покупка дома или рождение ребёнка в новоиспечённой семье. И ошибкой человечества было лишь её неприятие, отказ верить в то, что смерть может быть где угодно: за каждым углом

и в каждой тени, в стакане с вином и даже в обычной прогулке по лесу. Я не знал, могу ли принять смерть такой, какой она предстала передо мной, но мне больше ничего не оставалось. И когда я уже готовился умереть от потери крови, от разрыва сердца беспощадным ударом ножа, от болевого шока – от чего угодно, – мне вдруг захотелось открыть глаза и в последний раз посмотреть на то, каким мир проводит меня на тот свет.

Закари стоял надо мной, даже в полумраке оврага, в который я свалился, было видно, что он весь перемазан в крови, а в его глазах горели страх и ненависть. Два странных чувства совместились в нём, и я его понимал и в один момент даже был готов простить его, но тут же вспомнил, зачем он навис надо мной.

– Я же сказал тебе не бежать, – измученно помотал головой он. – Почему ты никогда меня слушаешь?

Закари отошёл на несколько шагов и отвернулся, словно давая мне шанс сбежать вновь. Я же просто сел и, немного отойдя от головокружения, посмотрел на него.

– Потому что ты никогда не предлагаешь ничего хорошего, – прошептал я, и мой хриплый голос потонул мёртвым эхом в кронах деревьев.

– Ничего хорошего... – вздохнул тот и из-за плеча глянул на меня. – Что правда, то правда. Посмотри на меня, Адам. Кем я стал? Что я делаю с собой и что собираюсь сделать с тобой? Это не я, мать меня не такому учила. Не учила убивать и причинять боль. А теперь... она вряд ли бы мной гордилась. Как думаешь?

Его голос дрожал.

– Твоя мать мертва, Зак, – прошептал я, пытаюсь встать. Опершись на одно колено, я исподлобья смотрел на его широкую спину, скрытую под тёмно-серым пальто. – И ты думаешь, ей не всё равно на то, что ты делаешь? К чему эта лицемерная исповедь?

– Моя совесть. Она во мне говорит, – он повернулся ко мне полностью и, не сдвигаясь с места, буравил меня маленькими глазками.

– Тебе стыдно?

– Очень. Но исправить уже ничего нельзя.

– Можно, – я сделал усилие и встал на обе ноги. Голова вновь закружилась, но так же быстро пришла в норму. Мы стояли и смотрели друг на друга. Стояла тишина.

– Что нужно сделать?

– Для начала скажи, какого чёрта ты зарезал того парня.

– Он был должен денег. Много, – он грустно рассмеялся будто ему рассказали анекдот. – А я как дурак теперь стою здесь и думаю, кто же отдаст мне эти деньги.

– Похоже, никто.

– Ты же понимаешь, что мы не будем стоять и болтать так вечно? – вдруг серьезно спросил Зак.

– Понимаю, – вздохнул я и окинул взглядом овраг, в котором оказались. Он был крутым только с одной стороны, а значит у меня был шанс убежать снова, однако сил уже не было. – Что ты хочешь?

– Я не могу оставить тебя в живых, – в его руках блеснул окровавленный нож. – Уж прости.

– А я не могу умереть сегодня, – таким же усталым голосом ответил я. – Уж прости.

– Вот и посмотрим, на чьей стороне удача.

Закари медленно двинулся на меня. Я не знал, что делать – то ли вновь бежать, то ли сражаться до победного конца. В любом случае он бы не отстал от меня до конца дней своих, понимая, что у меня в голове теперь была информация, которая может уничтожить его. Поэтому нужно было закончить этот ужасный эпизод своей жизни – резко и беспощадно.

Вдруг Зак ускорился и поднял нож. Он непроизвольно скалился и сдерживал животный крик, и чем ближе он был, тем больше во мне уверенности в том, что фортуна мне благоволила в тот день.

Как только он оказался возле меня и уже собирался нанести удар, я выставил правую руку перед лезвием, и спустя секунду кисть пронзила ужасная режущая боль. Кровь текла по руке, окропляя мою одежду алым, и именно вид крови на руке, вид того, как из меня начинала уходить жизнь, дала мне сил, чтобы нанести кадр другой рукой и выбить нож из рук моего бывшего товарища.

Я ударил Зака по лицу, и тот отшатнулся, оставив нож в проткнутой руке.

– Ах вот как? Ты оказывается и драться умеешь? – с едким сарказмом в голосе спросил тот. – Ты же всегда был хлюпиком и размазнёй, какие тебе драки, тем более против меня. Помнишь ведь детство, а?

– Я всё помню, – сквозь зубы процедил я, мысленно мечтая отрубить пульсирующую от боли руку. А помнить было действительно много чего. И драки после школы, где самых слабых выставляли против сильных, посещения школьного туалета вниз головой, еда, кинутая за шиворот в столовой – всё это в своё время сильно разобщило всех нас, и во мне остался неприятный след, чёрная перманентная тень на душе, которую уже не смоешь. Я ненавидел насилие и всё, что с ним связано. А теперь, когда мы все выросли и взгляды наши изменились, мне пришлось убивать того, кто в детстве постоянно избивал меня.

– Думаю, в тебе играет месть, – хищно улыбнулся Зак. – Давай, отомсти мне за всё.

– Я не хочу тебя убивать, – ответил я, но в то же время понял, что это мой шанс не только спасти себя, но и совершить акт мести. Теперь наша странная дружба, начавшаяся после окончания средней школы, казалась мне роковой ошибкой, которая теперь заставляла делать ужасные вещи.

– Придётся, Адам. Другого выхода нет. Иначе я убью тебя.

– Неужели мы настолько друг другу мешаем?

– Похоже на то, – пожал плечами Зак. – Но ты всегда был занозой в заднице, Адам. Я тебя всегда ненавидел, и ты это знаешь.

Но я не знал. Наша дружба теперь рушилась на глазах, и этот человек всё больше и больше падал в моих глазах, а жажда убийства росла с каждой секундой. Он взвинчивал меня. Взвинчивал, чтобы я сломался.

И у него, к сожалению, получилось.

Я вновь посмотрел на правую руку и, глубоко выдохнув, чувствуя, как дрожат лёгкие, резким движением вынул нож. Боль во второй раз проникла запястье, но мне было уже плевать на это – мне хотелось лишь смерти, которую отчего-то любил больше, чем жизнь.

Я бросился на Закари неожиданно – до того резко, что даже он не успел среагировать и увернуться от удара. Нож попал в живот, и я не отказал себе в удовольствии провести немного ниже, дабы обнажить его подлые внутренности. В тот миг мне казалось, что вместо здорового организма там была лишь гниль и зловоние, ведь такой человек, как он не мог быть хорош даже внутри.

Он рухнул на холодный снег. Кровь сочилась из огромной дыры в его животе, стекала на землю, окропляя пальто. Он смотрел на меня, потом на рану, затем снова на меня.

– А ты не так плохо справился, друг мой, – улыбнулся он в последний раз, обнажая измазанные кровью зубы, готовясь плевать ею.

– Не друг ты мне, Зак. И никогда им не был, – с металлом в голосе ответил я, вытаскивая здоровой рукой нож из его уже слегка обмякшего тела.

– Я тоже так думаю.

Я поднялся. Смотрел на него сверху вниз, как он того и заслуживал. Но вдруг что-то изменилось. Воздух стал ещё морознее, настолько, что ветер пробирал до костей и никакое

пальто не могло спасти от этого. В нос ударил запах гниения, и мне на миг показалось, что я схожу с ума.

Но всё это было в реальности.

Из тьмы деревьев на меня глядели два сияющих жёлтых глаза. Огромный чёрный силуэт прятался за тонкими соснами, словно выжидая чего-то. В позе огромного монстра не было агрессии – лишь интерес. Чудовище перевело взгляд на умирающего Закари, и я медленно попятился в сторону пологого склона, откуда смог бы выйти из треклятого леса. Страх нарастал с каждой секундой, ведь кроме меня, похоже, никто не видел это отродье.

Вдруг чудовище сделало шаг вперёд, обнажая тонкую лапу с сияющими во тьме неестественно длинными когтями. Раскрылась пасть, и на меня навалился тяжёлый аромат гнили. Огромные неровные клыки блестели в полумраке.

«Падалыщик, – подумал я».

Оно сделало ещё шаг, и тогда мне показалось, что стоит начать бежать. И я побежал по склону, вверх, к цивилизации, где меня хоть кто-то мог защитить или хотя бы дать хрупкое ощущение безопасности, но драться с этим монстром мне не хотелось, не хотелось вновь отбирать чью-то жизнь ради своей, по большей части, ничтожной.

Я слышал позади себя душераздирающий крик Зака. Он был действительно в ужасе, его убивала боль, кровь и внутренности, вываливающиеся из его тела; ненависть и страх перед законом, стыд и жалость к самому себе. Он умирал, а я бежал прочь, пытаясь выбросить этот ужасный крик из своей головы, но ничего не получалось – он навсегда въелся в память как напоминание о собственной жестокости и внутренней слабости.

Я выбрался из оврага и бежал на свет, что виднелся из-за деревьев вдали. Знал, что там был наш старый городок, в котором мы оба выросли и в котором двое из него погибли в тот роковой день.

Когда я выбежал из леса, то тут же рухнул на холодный снег и, положив руки на лицо, понял, что они в крови. В моей, в крови Зака. Я стал убийцей, и теперь на мне лежал огромный груз, которой мог и не потянуть, ведь отнимать жизнь порой бывает так просто, но жить с этим оказывается в разы сложнее.

В тот день я впервые увидел Жнеца.

Глава II

Никто никогда не узнает об этом. Всё, что произошло в тот роковой день в лесу, все смерти и вся кровь, что теперь несмываемым пятном осталась на моей душе и руках, все крики отчаяния и тёмная красота погибели – всё это теперь там. В обычной жизни не место этому, не здесь, не в этом веке и даже не в этой Вселенной. Смерть для всех – это слово, вселяющее ужас. Оно заставляет нас бояться себя, других, Бога и молиться ему же ради спасения после того, как умрём. Но так не будет. Кто знает, хочет ли Он видеть нас рядом с собой, таких ничтожных, порочных людей, что прожили жизнь на огромном камне, летящем в бесконечной пустоте и начала времён во тьму обволакивающей бесконечности.

Крик Зака ещё долго преследовал меня. Просыпаясь в холодном поту после очередного кошмара, я стоял на крыльце своего ветхого дома на берегу моря и курил, пытаюсь выгнать этим дымом дух того, кто в детстве испортил мне душу. Не было в этом какой-то особой романтики, как мне казалось раньше, когда я был молод. Скорбь не самое хорошее чувство, оно играет внутри словно расстроенная скрипка, на которой пытаются играть грустную мелодию – в ней нет абсолютно ничего, никаких чувств, никакого сожаления или жалости.

С моего двора открывался вид на старый порт, что был вдали от нашего маленького городка: невзрачный, с одним каменным пирсом, к которому дай Бог причалит пару кораблей за весь год. Рыбаки там были частые гости, они приходили с самого утра и сидели там до вечера, пока последний луч солнца не исчезнет с вечернего, по-настоящему тёплого для этого времени года неба. Там всегда было тихо, и мне это нравилось. Шум, гам, толкотня вечно стремящихся куда-то людей – всё это не для меня. Жизнью нужно наслаждаться, её нужно испробовать и изучить со всех сторон, чтобы затем, в старости, с чувством выполненного долга дожидаться цепких объятий смерти. Я часто приходил туда и ходил по пляжу, что находился ещё дальше, за портом. Ступая по мелкой гальке, приятно хрустевшей под ногами, я мог почувствовать себя свободным хотя бы ненадолго. Хотя я и не знал никогда, что такое свобода. Но для меня она была чем-то недостижимым, эфемерным, ибо понимал, что чтобы стать действительно свободным от этого мира, нужно отказаться практически от всего, что связывает тебя по рукам и ногам.

Привязанности – вот главная помеха на пути к свободе. Они словно цепи охватывают тебя, душат и тащат на дно, мешая наслаждаться жизнью. А для таких людей, как я, привязываться порой бывает слишком опасно. Стоит узнать человека чуть получше, как тут же ещё одна цепь тяжким грузом падает на плечо. И чем больше времени проходит, тем крепче она сжимает горло. Дай ей волю, и она убьёт тебя моментально, даже не задумываясь.

Сколько людей я знал, которые жили без этого чувства, и как им завидовал, когда видел, как они живут. И одним из таких людей был мой самый близкий, единственный живой человек... да и тот ушёл.

«Элизабет, – промелькнуло знакомое имя в голове, – как мне тебя не хватает.»

И я знал, что она, наверное, уже и забыла обо мне. Может, нашла себе новых друзей, которые никогда её бросят, может, нашла любовь всей своей жизни и теперь по-человечески счастлива. Она – святая простота, и мне всегда это нравилось в ней. Хотелось быть таким же, как она – независимым от людей, от мест, от всего материального. Правильно Элизабет говорила в один из наших вечеров:

– Не привязывайся к людям. Это убивает. Люди приходят и уходят, они умирают, лицемерят и забывают. Лучше привязывайся к целям и принципам, Адам, они всегда будут в твоём сердце и никогда не предадут.

И теперь, спустя столько лет, я понимал, как же она была права. Только вот воплотить её совет в жизнь у меня так и не получилось.

Где-то вдруг громко залаяли собаки. Я посмотрел в сторону городка, растянувшегося вдоль огромного пустыря, оканчивающегося кольцом леса, откуда мне пришлось выбираться с боем. Лай усиливался, казалось, кто-то устроил собачьи бои, и в один момент мне даже захотелось посмотреть на это, но я тут же себя одёрнул.

– Это не твоё дело, – буркнул я сам себе, подкуривая сигарету. Спичка потухла прямо у меня в руке, не успев зажечь маленькую порцию смерти, зажатую меж зубов. Я достал коробок и вновь попытался зажечь. Вспыхнул огонёк, и струйка полупрозрачного, но в то же время тяжёлого дыма взмыла ввысь, в такое же серое небо.

Лай всё не прекращался. Это начинало напрягать. Откуда-то слышались разъярённые крики:

– Да заткните вы своих собак!

– Что их там, режут что ли?!

– Угмоните вы их!

Я знал, что этим плевать на других. Обыкновенные эгоисты, ничем не примечательные и серые. Из таких людей и состоит весь мир, вся хрупкая Система, позволяющая этому миру и дальше жить и процветать снаружи, а внутри – гнить заживо.

И вдруг воздух, наполненный неприятным шумом людских голосов и собачьего визга, порвал оглушающий взрыв. Кто-то выстрелил из ружья. Весь город тут же потонул в угнетающей, мёртвой тишине, словно этот выстрел прикончил всех сразу, и я теперь остался один среди горы трупов.

Я выбросил окурок в высокие заросли возле забора и, накинув на плечи зимнюю куртку, запер дом, вышел со двора. Шлёпая по грязному снегу, я шёл в никуда в надежде найти либо того, кто стрелял, либо тех самых собак. Не знал, чего мне хотелось больше: быть загрызенным или застреленным. Но отчего-то оставаться в стороне тоже не представлялось возможным. Кто знает, вдруг это начало чего-то большего?

Я вышел на одну из маленьких улочек, где теплилась тьма и мусор: коробки, мусорные баки, экскременты, которые выбрасывают прямо на улицы, когда выгребные ямы льются через край, вечно пищание крысы, жующие выброшенную еду – это наш маленький умирающий мир. Проходя мимо домов, сразу и не скажешь, что за высокими заборами скрывается что-то более страшное, чем просто семьи, одиночки, отцы, матери, дети, мертвецы или полуживые люди. За каждой из дверей я видел страх и ненависть перед кем-то. Ненависть в здешних краях – обычное дело, но вот страх... он появился совсем недавно, и никто не почувствовал этого, пока не стало слишком поздно.

Я тоже его чувствовал. Он сидел где-то глубоко в душе и одновременно витал вокруг, нашептывая параноидальные слова: «Нет, нет, они тебя не ждут, уходи! Они боятся тебя так же как и ты их! Ты умрешь, если повернёшь за угол!» И часто этот страх побеждал.

Улица резко оборвалась, открывая взору небольшое чёрное зеркало озера, мёртвым плато лежащим подле высокого частокола леса. Верхушки елей размеренно покачивались на ветру, откуда-то из глубин вылетела стая воронов и с громким карканьем скрылась за горизонтом. Они тоже были напуганы, как и всё живое. Да и живого в этом городе было не особо много.

Озеро было мертво. Лес был мертв. Море, что разливалось где-то за моей спиной тоже было мертво. И только мы, люди, как бельмо на глазу, жили в этих огромных пустошах, где царила смерть и пустота. А заканчивалась эта пустошь только там, где не знали, что такое ежесекундный страх и ненависть.

Со стороны леса, по широкой тропе бежала целая стая собак. Издалека они выглядели как одна и та же собака, только размноженная в много клонов, но стоило им приблизиться на несколько метров, как тут же они обрели детали. Дикий оскал и бегающие бездушные глазки – они выискивали жертву с необычайным упорством, всматриваясь в каждый дюйм

пространства. Они остановились возле одной из улиц, на перекрёстке – я стоял возле озера и продолжал смотреть на них, – и стали принюхиваться. На мгновение внутри у меня всё сжалось, сердце пропустило удар, совершенно не хотелось, чтобы они заметили меня. Одного. Совершенно беспомощного.

Но худшее случилось. Один из псов, кажется, овчарка с грязно-бурой шерстью, заметил меня, и обнажив кривые, но острые клыки, начал рычать, а затем и лаять.

– Да заткнутся они или нет?! – донёсся откуда-то раздражённый крик старухи.

«ДА ЛУЧШЕ Б ТЫ ЗАТКНУЛАСЬ, – громогласно пронеслось в моей голове, пока мой испуганный разум перебирал возможные варианты спасения». И только когда свора сорвалась с места и с громким лаем начала преследование, я начал бежать. Ноги утопали в выпавшем пару дней назад снегу, он ещё не успел полностью растаять или смешаться с грязью, а я шлёпал по нему, привлекая ещё больше внимания. Один шаг обернулся для меня быстрым падением в мутную лужу. С мокрой по колено ногой я продолжал убегать, понимая, что абсолютно бесполезен против бешеных собак, уже готовящих свои зубы, чтобы вонзить их в мою хрупкую плоть.

Я бежал сквозь улицы, подгоняемый страхом и громким лаем. Отовсюду со дворов доносились крики уставших от этого жителей, но никто из них не потрудился выглянуть на улицу и разобраться, в чём дело.

– Эй! Помогите! – крикнул я в отчаянии, срывая голос. На мгновение мне показалось, что ещё остался кто-то сердобольный, который открыл бы ворота и впустил бы меня к себе. Но мне только показалось. Люди быстро смолкали, и скоро возбуждённый воздух сотрясали лишь моё громкое дыхание, крики, да собачий лай.

– Умоляю! Откройте ворота! Кто-нибудь! – неистово продолжал орать я, чувствуя, как запершило в горле. Собаки не отставали, даже наоборот, набирались сил и подбирались всё ближе. А у меня оставалось совсем немного сил, и их я решил потратить на побег к морю, на которое ещё полчаса назад смотрел в полном одиночестве, окружённый незыблемой тишиной и спокойствием.

Мозг лихорадочно перебирал варианты, где можно укрыться. Если бы я мог спрятаться в доме, то так бы и сделал, но боялся, что собаки останутся у входа на ночь, ещё один день, и я окажусь заперт в собственном убежище пока не умру. Неприятная бы вышла ситуация. Но на помощь мне вряд ли кто-то пришёл бы – если сейчас никто не решился открыть ворота, то что уж говорить о том, что будет потом.

Я бежал сквозь улицы. Дыхание уже совсем ослабевало. Мышцы сводило от каждого шага. Казалось, я вот-вот рухну лицом в снег и стану обедом для бешеных псов. Но отчего-то у меня ещё были силы, и я продолжал бежать. Жажда жизни – слишком сильная вещь. Она заставляет нас карабкаться по отвесным скалам, играть в «догонялки» со смертью, прыгать в омут опасности с головой, пытаться спасти и себя, и своих близких. Но далеко не каждому дано спастись. И в тот момент мне казалось, что я один из таких.

Как вдруг я почувствовал сильную боль в ноге, сбивающую с ног. Пульсирующий поток отразился в перебинтованной руке, откуда от напряжения снова полилась кровь, окрасив бинты в алый цвет. Искры перед глазами на мгновение полностью ослепили, и я начала падать, не в силах больше бежать, словно на одну ногу кто-то надел кандалы.

А когда я вновь открыл глаза, вдали слышались выстрелы. Поднявшись на окровавленной руке я осмотрелся и увидел недалеко от конца последней улицы мужчину, держащего в руках ружьё. Вокруг него стояли собаки. Вернее, некоторые стояли, некоторые уже лежали на холодном снегу. Выглядело это словно дрессировка, что вот он возьмёт да выстрелит в воздух, отдавая команды. Он словно тренирует их, основываясь на страхе и угнетении, а теперь они ему мстили за годы унижений и приказаний. И ружьё из оружия дрессировки превратилось в оружие смерти.

А потом я потерял сознание, и весь мир стал обыкновенной тьмой, которой являлся изначально.

Глава III

Спустя каких-то три недели моя нога была уже полуживая. Я мог встать на неё, пройти несколько десятков метров, вновь упасть на стул. Чтобы не рухнуть прямо посреди грязной улицы, где по утрам уже начинало подмораживать, я ходил из одного конца дома в другой: поднимался по лестнице на чердак, спускался, выходил в коридор, затем в кухню, приземлялся на диванчик в не самой обустроенной гостиной и снова начинал свою экспедицию. Это мне сказали делать врачи, чтобы разрабатывать ногу. Вытащив пулю из икры, они еле-еле успели остановить заражение, постоянно кололи какие-то жгучие уколы и заставляли лежать на кровати сутками напролёт. В те дни Клаус и Лили приходили ко мне, приносили еду, затем мы с Клаусом играли в карты, а Лили начинала протирать пыль со всех полок, шкафов, столов. Стоило ей распахнуть окно, как муж тут же говорил громогласно:

– Закрой окно, Лили! Дует же!

– Надо проветрить. Сиди.

– А, чёрт с тобой, – говорил он громко, а шёпотом добавлял что-нибудь едкое. – Вот же скотиной она бывает порой. Греха не оберёшься.

– Она всего лишь проветривает дом. По-моему от свежего воздуха даже легче, – парировал я. – Не понимаю, что ты так кипятишься.

– Вот проживи с женщиной семнадцать лет, тогда поймёшь, о чём я.

– Ты её ненавидишь?

– Да куда уж мне ненавидеть... – замялся Клаус и бросил карту на стул перед кроватью, где я полулежал, – люблю, конечно, дурочку эту.

– Я всё слышу, Клаус! – кричала Лили с кухни, шумя водой из-под крана. – И я тебя!

– Слышишь? – улыбнулся он. – Любовь, чёрт бы её побрал.

Когда они уходили, в доме вновь растворялась тишина. Она густела с каждым часом, и чем больше эти двое были у меня дома, тем больше я понимал, что скоро не смогу жить без них. Этот дом такой большой, а я такой маленький. Я жил в нём осознанием того, что это не мой дом. Такое случается с каждым, когда сердцу нестерпимо хочется перемен. А пойти-то бывает и некуда, и некогда, и не за чем. Просто хочется.

Однажды я заблудился в собственном доме. Бродил по темным коридорам, обгладываемый тяготеющим с каждой минутой чувством незримого, но прочно осязаемого одиночества. Рассматривал пыльные фотографии, на которых улыбался, на которых был «счастлив». Счастье было лишь мнимой субстанцией, но в те моменты это было неважно – тогда меня заботило лишь то, чтобы всё это никогда не кончалось. И вот, я стою и смотрю на пожелтевшие фотокарточки и думаю: «Как же так получилось?» – а ничего в голову не приходит. И, наверное, уже не придёт.

Я не знаю, как стал тем, кем являюсь. Всё получилось само собой, вроде бы без собственного вмешательства, но на самом деле я просто не хотел признаться себе, что это именно я сделал себя таким. Теперь я один, и никого рядом уже нет и не будет. Слезы катятся по моим щекам, но чувства напрасны. Они ничего не дают, лишь боль, от которой потом не отцепиться, кровь, от которой уже не отмыться.

Я ставлю фотографии на место и осматриваюсь. И только спустя много лет до меня дойдёт, что это не мой дом. Меня здесь быть не должно. Я должен быть где-то там, за горизонтом, где вечное счастье и безмятежность, но я в старом доме на окраине города, стою и глупо смотрю в потрескавшийся потолок, не зная, что делать дальше и как исправить всё то, что натворил. Отчаяние съедает меня – медленно, но действительно.

Однажды я проснусь и пойму, что у меня больше нет сил быть по утрам. Захочется зарыться в одеяло, скрыться от этого мира в душной темноте пододеяльника, вдыхая затхлый

воздух прошлого, но от себя не убежать. Мои грехи, вечные внутренние проблемы будут преследовать меня до конца жизни, пока я наконец не пойму, что это именно они тянут на дно, что я сам себя тяну на дно.

И вот оно. Бескрайняя равнина тишины и одиночества в толще воды, там, где меня никто никогда не найдёт. Я слушаю тишину и нервно тикающие часы в прихожей, а на душе скребут кошки. Душу тянет вдаль, а у тела сил уже нет – все они были потрачены на бессмысленные ночи самокопания, на слёзы и алкоголь, на встречи рассветов и бесформенные нечеткие мысли.

Сил жить уже нет. И я в замкнутом круге. Я просыпаюсь, чтобы подумать о том, как заснуть навсегда. И засыпаю, чтобы утром проснуться и думать о том, как тяжела жизнь.

А затем я вновь возвращаюсь в себя, не понимая, сколько времени прошло и долго ли я стою в прихожей, слушая часы.

Так было много раз, даже в детстве мама мне говорила:

– Не витай в облаках, сынок, потом греха не оберёшься. Невнимательность тебе не к лицу.

– Да, мам.

Но стоило ей уйти куда-нибудь, как я вновь вперял взгляд в стену, пытаюсь то ли разрушить её, то ли открыть портал туда, где меня никто никогда не достанет. И мне так хотелось сбежать от всего этого мракобесия: от отца-алкоголика и безвольной матери, которая никогда не могла постоять за себя, а уж тем более за меня. Сколько раз она молчала, смотря мне в глаза, пока за мной гонялся отец и пытался выпороть своим армейским ремнём со стальной пряжкой в виде звезды, сколько раз она молчала, когда он кричал на неё и бил по щекам, а я не мог ничего не поделать с этим. Дикий спектакль умалишённых продолжался сравнительно недолго, и, как бы мне ни было стыдно это признавать, я был рад, что они погибли так рано.

Сначала похоронили мать. Вернее, похоронил отец, даже не сказав об этом мне. В то время я уезжал в другой город учиться, а мама заболела чем-то (или, может, отец снова наврал про её состояние) и я не мог быть с ней. Я писал письма в надежде увидеть её красивый почерк на бумаге, но когда я отправил письмо в последний раз в начале зимы в 1947 году, то ответа не получил. Отец упорно молчал или присылал поздравительные открытки и говорил что-то типа: «Всё хорошо, не беспокойся». Я не верил, а когда выдались пару выходных, то тут же приехал обратно в родной край.

Меня встретил пьяный отец. Бить меня он уже давно перестал, да и бояться его смысла не было – слишком он был старый и проспиртованный с ног до головы.

– Привет, Адам, *мы* тебя ждали, – еле выговаривая слова, произнёс он и пропустил меня в дом, приняв из рук один-единственный чемодан. Кинул его в прихожей и усадил меня на диван. Я молча смотрел на него, пытаюсь прожечь его взглядом. Он в глаза боялся посмотреть, поэтому просто сидел и ждал чего-то.

– Где мама? – серьёзно спросил я.

– Ушла, – коротко бросил тот.

– Как ушла?

– Вот так вот. Не сказала ни слова и ушла.

– Давно?

– Пару недель назад. Не знаю, почему так произошло. Нет, нет, вру, конечно, знаю. Потому что я непутёвый муж и отвратительный отец.

– Надеюсь, она оставила последнюю записку, – с подозрением продолжал допытываться я. Он говорил довольно убедительно, да и на маму это было похоже, любая истерика, и она пулей вылетала из дома с криками: «Я больше не вернусь!».

А затем, конечно, возвращалась. Но в тот раз всё выглядело куда подозрительнее.

– Нет, не успела, – ответил он и запоздало прикусил язык.

– Не успела? А ты ей время давал?

– Нет, но...

Я начинал понимать, что что-то не так.

– Где мама? – я медленно поднялся.

Отец молчал, вперив глаза в пол, рассматривая блеск пустых бутылок из-под дешёвого пойла для тех, кому было нечего терять. Воцарилась тишина, а я продолжал ждать. Руки непроизвольно сжались в кулаки. Я готовился к худшему.

– Где она? – с металлом в голосе произнёс я, и тот взглянул на меня. В уголках его постаревших впавших глаз блестели слёзы.

Я и не заметил, как он постарел. На десять лет, если не больше. В нём больше не виднелась угроза – только слабость и глупость, которую я всегда в нём презирал.

– Умерла. Две недели назад.

– Почему не написал?

– Не хотел расстраивать.

– Ты совсем свихнулся? – в ярости проговорил я. – Она – моя мать! Как ты посмел промолчать!

Рука дрогнула сама, и звонкий шлепок руки о его старческую щёку разнёсся по комнате.

Он сидел и испуганно смотрел на меня, знал, что больше не может ответить – я был лучше сложен. Я ждал объяснений, но он продолжал молчать. Так мы и сидели в тишине. Я начал искать хоть одну целую бутылку, чтобы хоть немного прийти в себя, но руки тряслись, стаканы по большей части были все разбиты, а осколки причудливо блестели под светом зимнего солнца. Наконец, одна невыпитая бутылка оказалась у меня в руках. Я откупорил её и сделал глоток. Пойло обожгло пищевод. Оно было по-настоящему гадким и совершенно невкусным.

– Как ты пьёшь эту гадость... – шептал я себе, смотря на него из кухни. Затем поставил бутылку и вышел к нему:

– Где могила?

– На заднем дворе. На кладбище идти не стал, – только и ответил отец, даже не смотря на меня.

На заднем дворе, припорошённым снегом, я увидел лишь полуразвалившийся сарай и маленький могильный холмик с покосившимся деревянным крестом.

– Ты сильно сердишься? – спросил меня отец, незаметно подкравшись сзади. По голосу слышалось, что он моментально протрезвел.

– А сам как думаешь?

– Думаю, что да.

– Но когда хоронил её, ты почему-то не подумал, что я хотел бы проводить её в мир иной, – со злобой в голосе процедил я. – А теперь она там, гниёт в земле, и я её больше никогда не увижу! И всё из-за тебя!

Как бы я её не недолюбливал, она была первым человеком в моей жизни, тем, кто попытался воспитать во мне кого-то нормально, кого-то, кто смог уйти в жизни дальше и выше, чем она с отцом. И сколько бы мы ни ссорилось, сколько бы ни обижались друг на друга, я знал, что люблю её, и знал, что она любит меня.

По моим щекам катились слёзы. Отец стоял и смотрел на меня.

И теперь, когда я вспоминал об этом, спустя столько лет по моим щекам всё так же катились горькие слёзы отчаяния. Исправить уже ничего нельзя, даже отцу не отомстишь – он тоже погиб, его забрали люди из гестапо за пьянство практически сразу после мамы.

Я лежал один в доме, в котором всё это и случилось и понимал, что больше оставаться тут не хочу. Как только нога заживёт, подумал я, так сразу свалю к чёртовой матери. Нужны перемены, нужен глоток свежего воздуха, который смог бы разбудить во мне жажду жизни. А здесь его я никогда не смогу получить.

В дверь постучались. Я медленно поднялся с кровати и хотел уже было крикнуть привычное «кто там?», но вовремя осёкся. Мне хотелось произвести впечатление и встретить незваного гостя самостоятельно.

Нога ныла при каждом шаге, но было значительно легче, чем в самом начале реабилитации, оставалось совсем немного времени тренироваться, чтобы я смог ходить, как раньше.

Я дёрнул ручку, и дверь со скрипом распахнулась, впуская внутрь прихожей морозный воздух и кучи снега.

Передо мной стоял почтальон, мистер Ранэр, немец с чёрными жиденькими волосами.

– Вам письмо, мистер Моргенту, – он передал мне в руки маленький конверт и, спустившись по лестнице, вышел со двора и скрылся за поворотом в город. Я закрыл дверь и, отыскав зимнюю куртку и ботинки, вновь вышел на улицу, закурил, пошарив по карманам и найдя там старую пачку сигарет и пару спичек в коробке. Дым обжигал лёгкие, голова немного кружилась – отвык от них уже, – но я продолжал стоять на морозе и вдыхая смерть, попутно держа в другой руке письмо.

Я взглянул на имя отправителя и тут же закашлялся.

Элизабет.

Письмо было от неё.

Я не знал, что она могла в нём написать, поэтому я просто спрятал его в карман до лучших времён, опасаясь того, что было внутри: признание в любви, в измене, грустная или жестокая история, может, просьба о помощи или какой-то важный вопрос. Так много вариантов, и я опасался самых неблагоприятных.

Окурочек упал где-то в кустах и потух в снегу. Я вернулся в дом. Скинул куртку, ботинки вновь лёг в кровать, натянув одеяло до подбородка. Сам того не заметив, я провалился в неприятную дрему, а когда открыл глаза, то увидел, что Клаус и Лили вновь были со мной.

– Представляешь, – начал свой рассказ, раздавая карты, – сейчас с Лили были на собрании, только что оттуда.

– И что?

– Тот случай с собаками и тобой они так просто не оставили, ублюдки, – чуть более злобно сказал он. – Теперь они хотят застрелить *всех* собак в округе, чтобы такого больше не повторилось.

– Но там же были бешеные собаки, они из леса, разве нет? – удивился я.

– В том-то и дело, – горестно вздохнул Клаус. – Нас с Лили заставили подписать петицию за расстрел всех собак в округе. Сказали, что если не подпишем, то житья нам больше не будет. А я хотел прожить спокойно ещё хотя бы пару лет.

– Где твои принципы, Клаус? – сказал я серьёзно, посмотрел на Лили, протирающую пыль в другом конце комнаты. – А твои, Лили?

– А что? По-другому мы не могли. Куда мы уедем, если они начнут нас травить, как этих самых собак? Нам некуда бежать, пойми нас правильно, Адам. Кто мы такие, чтобы решать, кому жить, а кому умереть?

– И поэтому подписали, боясь за собственную шкуру, – процедил я.

– Из твоих уст это звучит слишком жестоко, – заметила Лили.

– Потому что это и есть жестокость.

– Не преувеличивай. Всё ведь не так плохо, – неуверенно говорил Клаус, кидая карту на стол. – Всё образуется, вот увидишь.

– Нет, – помотал головой я. – Ничего уже не будет нормально.

– Раз уж ты так хочешь выразить протест, то мы принесли эту бумажку, чтобы ты подписал за или против, – Клаус из кармана вельветовой жилетки достал сложенную в несколько раз бумажку и показал мне. На листе в столбик были написаны имена практически всех, кто жил

с нами, с двух сторон, справа были две колонки – «за» и «против». Практически все проголосовали за незаконное убийство, больше похожее на геноцид.

– Сейчас, – сказал я и встал с кровати, – только ручку возьму в кабинете.

Вышел, оставив их наедине. Хлопнул дверью и, оставшись один, вновь осмотрел макулатуру. Она была мне противна, и я подумал, что вместо одиночного протеста мог бы пресечь эти убийства на корню. Поэтому я просто порвал листок и сжёг его в пепельнице, выставив руку в окно.

Когда я вернулся, они уже собирались уходить.

– Где листок? – настороженно спросил Клаус.

– Там же, где могли бы оказаться все те собаки, – ответил я. – В Бездне.

Глава IV

Смерть повсюду. С каждым днём я вижу всё больше и больше тьмы, словно кто-то или что-то пробуждает внутри нечто потустороннее, открывая мир с другой, менее приглядной стороны. Стоило мне взглянуть в небо, как там тут же пролетали вороны и с громким криком исчезали за горизонтом. Стоило опустить взгляд на землю, как тут же где-нибудь видел то самое существо, что сожрало Зака всего месяц назад. Оно сидело на крышах, множилось и становилось всё необъятнее, его жёлтые глаза прорезали во мне дыры, становилось дурно, и вскоре спокойная жизнь закончилась.

Люди действительно умирали. Те, кого преследовал монстр, вскоре оказывались в могилах, а я всё больше и больше ужасался своим видениям. Чудовище не трогало других – только тех, кому суждено погибнуть в ближайшее время. Казалось, оно чувствовало приближение чьей-то смерти, и поэтому решало прийти заранее и выжидать, как падальщики ждут своей пищи.

Люди топились в озере, их грызли собаки, пропадали в лесу, вешались и стреляли себе в голову из обычного пистолета. Я и подумать не мог, что существует так много способов умереть, и на мгновение – всего лишь мгновение – я понял, зачем мне дано это проклятие. Но затем так же быстро потерял это знание.

Я боялся смотреть на улицу, боялся даже взглянуть на себя в зеркало. Мало того, что выглядел я просто ужасно от постоянной бессонницы и бесконечной тревоги – больше всего я боялся увидеть за своей спиной в отражении того самого монстра, что прожигает меня глазами.

В один день спустя практически два месяца после нападения собак я проснулся на диване в гостиной. Те времена для меня были потеряны. Я постоянно пил то, что находил в погребе отца. Несмотря на дикую боль спускался в подвал и заглушал боль и видения алкоголем, и это давало мне некое облегчение. Нигде я ещё так не расслаблялся, как в пьянке, и, наверное, это было единственное чувство, к которому я смог привязаться. К людям я привязывался, даже не замечая этого.

Болела голова. Солнце резало глаза. Под ногами громко шумели бутылки из-под пойла. Откуда-то с кабинета негромко звучала музыка. То была странная песня, похоже, христианский гимн. Она разносилась тягучей волной по пустому дому, и, эхом отражаясь от стен, возвращалась ко мне, только громче и ярче, отчего мне тоже было не по себе.

Я встал и зашатался. Во рту было сухо, и противное послевкусие алкоголя всё ещё было со мной. Хотелось пить. Пришлось нетвердой походкой дойти до крана с водой на кухне и встать под струю холодной воды, чтобы хоть как-то взбодриться и прийти в себя. Я всегда так делал, когда было совсем уж плохо. Иногда даже помогало заснуть.

После я вернулся в гостиную и распахнул окно. Грязные шторы развевались на холодном ветру, летела пыль с комодов и шкафов, и чистая непорочная свежесть влетела в дом, очищая сознание. Мне было уже плевать на всё, поэтому я не боясь поджечь дом, поджёл сигарету прямо в комнате. Сигаретный дым глушил боль так же сильно, как алкоголь.

Однако я понимал, что вечно так продолжаться не может. В один день подвал опустеет, монстров будет всё больше, и я не смогу ничего с этим сделать – только смотреть. Больше всего я боялся, что он появится над головами тех, кто был мне хоть немного дорог. Клаус и Лили. Несколько людей из порта. Мистер Ранэр с почты. Они были хорошими людьми, и как больно бы видеть их приближающуюся гибель.

– Поганая смерть... – буркнул я сердито, выдыхая дым в морозное небо, затянутое полотно бледно-серых облаков.

Я не знал, что делать: то ли бежать, то ли продолжать глушить эти видения. Они преследовали меня повсюду, даже в коротких мгновениях сна я видел лишь их, их, их! Огромные

светящиеся глаза и гигантские силуэты, похожие на мутировавших собак с длинными когтями и широкой пастью. Они смотрели на меня из тьмы и, казалось... звали меня, звали пойти с ними, во тьму, Бездну, от которой я теперь старался как можно быстрее убежать. Не зная куда, не зная зачем, я пытался сообразить, как побыстрее свалить из этого могильника.

В дверь постучались.

– Открывай, старый алкаш! – кричал мне Клаус с порога. – Спиртом даже отсюда несёт!

– Заткнись, ради Бога... – прошептал я, выбрасывая истлевший окурок в окно. Затем напряг горло. – Иду я, иду!

Открыл им дверь, они вдвоём вошли внутрь. Стоило им аккуратно приземлиться на диван, как я тут же осознал, насколько давно они не были здесь. Ко мне вновь возвращалось давно забытое чувство одиночества, к которому, к сожалению, слишком быстро привыкаешь, а теперь они вновь были со мной, и я не хотел их отпускать, вновь причинять себе боль.

Повисло неловкое молчание. Я смотрел куда-то в пустоту, Клаус с Лили вперили свои взгляды в меня.

– И тебе это нравится? – мой друг первый нарушил тишину, пнув пустую бутылку, одиноко стоявшую возле дивана.

– Ещё как, – ответил я и измученно улыбнулся. – Не видишь, я цвету и пахну.

– То, что ты пахнешь, мы чувствуем. Помойся хоть! Сколько ты не выходил из дома?

– Недели две-три, может, больше. Да мне и не нужно, – отвечал я, закуривая ещё одну сигарету.

– Ты теперь отшельник? Или просто из ума выжил? – усмехнулся Клаус.

Я не ответил.

– Пойми, – продолжил тот, – мы пришли, потому что волнуемся. Чем ты вообще занимаешься, а? Прожигаешь свою жизнь ради какой-то бутылки виски? Это не должно было сломить тебя, я думал, ты сильнее. Видимо, ошибался.

– А сам-то... – буркнула Лили, – не помнишь, как я с тобой боролась?

– Это было очень давно, и вообще не вмешивайся! – с раздражением в голосе ответил Клаус.

– Как мне не вмешиваться, он и мой друг тоже.

– Ах, ну тогда пожалуйста, вправь своему другу мозги, – Клаус встал и вошёл в кабинет, откуда продолжала играть одна и та же песня. Спустя полминуты она оборвалась, и в доме воцарилась практически могильная тишь.

Лили смотрела на меня. Я на неё.

– Ну, что скажешь? – я не выдержал первый.

– А что тут скажешь... – расстроенно ответила она. – Покатился, пустил жизнь по... не буду вслух говорить, ты и так всё знаешь, Адам. Меня только мучает вопрос: почему? Что-то стряслось?

– Всё просто чудесно, клянусь, – соврал я, положив руку на сердце. Мне хотелось бы рассказать хоть кому-нибудь, но знал, что меня никто не поймёт, посчитает сумасшедшим. Все от меня отвернутся, а это то, чего я боялся больше всего на свете.

Одиночества.

– Не ври мне, Адам, – тихо сказала Лили. – Я же вижу, тебе плохо. Отчего?

– Я... я... – мой голос стал неожиданно сиплым и неуверенным. Мне хотелось рассказать ей, но я знал, чем это может кончиться. – Я не могу сказать, прости.

– Это почему же? Мы с тобой уже давно знакомы, почему бы не поделиться тем, что тебя беспокоит? Глупо молчать, когда есть, что сказать, – серьёзно сказала женщина и, положив руки на колени, сжимала своё плотное платье синего цвета.

– Ты подумаешь, что я совсем уже голову потерял, – помотал головой я. – Не хочу в психушку, не место мне там.

– Просто скажи. Вряд ли мы куда-то тебя отправим, – сказала Лили, затем наклонилась чуть ближе, – скорее всего Клаусу будет даже лень идти куда-то, уж поверь мне, а я не пойду и подавно.

– Страшно.

– Что страшно?

– Мне страшно.

– Но почему?

– Потому что всё, что я вижу перед собой – это чья-то смерть. Я видел это слишком много раз, Лили, я так больше не могу. Не выдержу, не могу.

– Тихо, тихо, – она пригласила меня сесть, я плюхнулся на диван рядом с ней, смотря в стену, чувствуя, как мысли неприятно опоясывали голову, словно стальной обруч с шипами.

– Ты... видишь смерть? – осторожно переспросила она.

Я посмотрел на неё. Она была такой хрупкой в тот миг, такой хрупкой и такой желанной, но я понимал, что уже никогда не смогу ничего сделать с собой. Уже тогда осознавал, что это – начало конца. Я устало улыбнулся ей и протёр грязным пальцем глаза. Она ответила своей слегка желтоватой улыбкой.

– Вижу смерть, Лили, представляешь. Каждый грёбаный день я вижу как эти твари сидят на крышах и ждут своей очереди. Уроды.

– Какие твари?

– Огромные, до дрожи противные, – ответил я, затем встрепенулся и понял, что наговорил лишнего. Они потом этого так просто не оставят и будут гнаться за мной, чтобы такой дурак как я не разгуливал по городу. – Забудь, Лили. Я и сам ничего не понимаю. Может, это потому что я почти не сплю.

– Возможно, – как-то неуверенно ответила она. Бросила взгляд в сторону кабинета, где вот уже пять минут пропадал Клаус. Она была взволнована. Это и не удивительно – такие, как она, быстро впадают в панику, хоть и не показывают этого.

– Я на минутку, – учтиво сказала Лили и встала, поправила платье и вошла в кабинет, оставив дверь приоткрытой, оттуда лился яркий солнечный свет, окна там выходили на восток, а на часах ещё не было полудня. Наверное, сейчас в той комнате царил умиротворение и спокойствие. Не то, что в гостиной: холод, грязь, запах гари от сигарет, спирт, сырость и гниль мусора.

Всё это мне уже надоело. До смерти.

Я медленно встал и, стараясь не шуметь, подошёл к открытому проёму. Заглянул внутрь. Посреди комнаты стояли Клаус и Лили, что-то активно обсуждали, шёпотом естественно. Какие у них могут быть секреты? Неужели всё-таки решили сплавить меня в дурдом?

– Я не могу так, – сказал чуть громче Клаус, прижимая ладонь ко рту, словно боясь закричать в ту же секунду. – Мы не можем так. Это жестоко.

– А то, что он с петицией сделал, не жестоко? Сколько людей уже в больницах лежат с бешенством? А сколько умерло, Клаус, – последнюю фразу она сказал даже без вопроса в голоса, она жёстко констатировала факты, и меня это задело. Я порвал петицию, потому что не хотел причинять животным боль, ведь они не могут дать сдачи, у них нет таких же прав, как у нас. А в итоге всё стало только хуже. Опять же из-за меня.

– Пятеро, – тихо ответил Клаус, стыдливо отводя глаза. – Но это ничего не меняет. Кто ж знал, что так получится?

– Я знала. Все знали. А теперь он сходит с ума. Сам только что бормотал про то, что смерть видит, не может спать, постоянные галлюцинации. Мне кажется, это знак. Его нужно убрать, или хотя бы сделать так, чтобы он никому и никогда не навредил.

– Что ты предлагаешь?

– Уведём в лес, и дело с концом. Он оттуда не выйдет. Никто не выходит.

– Я слышал он вышел оттуда полуживой, когда в последний раз был там, – с сомнением в голосе прошептал Клаус. – Не думаешь, что он сможет выбраться снова?

– Тогда он был в ясном уме. А сейчас...

Лили случайно бросила взгляд на дверной проём, и я тут же ушёл обратно на диван. Сел, закурил, сделав вид, будто сидел там всё это время. Из открытого окна валил снег, и весь пол уже начинал покрываться тонким слоем свежего покрова. Морозный воздух неплохо отрезвлял. «Надо делать так почаще, – подумал про себя я, делая максимально непринуждённый и отстранённый вид». А в глубине души царила томная, напряжённая тишина. Я ждал, что будет дальше. Было, конечно, страшно слышать это от тех, кто помогал мне выживать последние несколько месяцев, но я так привык к предательствам, что уже ничему не удивлялся.

Хотя, если честно, со временем даже от недоверия к людям можно устать и вновь окунуться в этот омут с головой. И снова страдать.

Только мы выбираем через что получать боль: через одиночество свободы или через привязанность души. И я каждый раз метался меж двух огней, не мог найти золотой середины то делая людей центром своей Вселенной, то отрекаясь от всех сразу, уходя в отшельничество. Эти метания убивали меня изнутри, и теперь, когда я уже успел немного привязаться к Клаусу и Лили, то вновь понял, что привязанности – худшее, что в нас есть. Эта способность медленно убивает нас изнутри, и мне это совершенно не нравилось.

Я посмотрел на правую руку, проверил ещё жгущий шрам от судьбоносной встречи в лесу. Боль придавала мне сил не умереть от тоски.

Из кабинета вышли Клаус и Лили и начали торопливо собираться.

– Нам нужно идти, – резко сказал мой друг, заметив мой вопросительный взгляд. – Дела не ждут.

– Что вы там делали? – спросил я, понимая, что правды они мне всё равно не скажут.

– Целовались, – притворно хихикнула Лили, обмотала шарф вокруг шеи и надела меховую старую шапку. – До встречи, Адам. Не унывай, мы скоро вернёмся.

– Очень в этом сомневаюсь, – прошептал я, когда дверь закрылась. Вновь воцарилась тишина, сменяемая завываниями ветра за окном. Он продолжал плевать на меня снегом, заставляя дрожать от холода и осознания собственной беспомощности. Шторы продолжали качаться на ветру, и этот пейзаж лишь вновь пробуждал во мне воспоминания, которые я хотел бы забыть навсегда.

В один момент я понял, почему Клаус и Лили ушли. Прошло уже несколько часов, солнце висело высоко над горизонтом, обливая своим безжизненным светом весь мир, а я сидел на кухне и пил одну за одной чашки крепкого кофе. Старая джезва стояла на плите – вся грязная, с засохшим кофе на стенках, – всё ещё полная остатками уже холодного кофе, который на деле был горьким и совершенно не вкусным.

Они ушли, чтобы привести санитаров. Я был в этом уверен. Эта мысль до того разрослась в голове, что я не мог больше сдерживаться и побежал в спальню собирать вещи. Скинул всё, что было в шкафах: одежду, обувь, книги и шкатулки с ненужным барахлом – и положил самое ценное в чемодан. Теперь там лежали только вещи, книга Ремарка «Триумфальная арка», часы на цепочке, подаренные отцом на восемнадцатилетие и ещё несколько совершенно необходимых вещей. Туда я кинул и письмо от Элизабет, решив его вскрыть только когда почувствую себя в относительной безопасности, когда, например сяду в поезд или на пароход до другого порта.

На сборы ушёл от силы час. Закрыв дверь на ключ, я выбросил его в глубокий сугроб, знал, что больше сюда не вернусь. Спустился по ступенькам и, постоянно оглядываясь, ушёл в порт, в надежде на то, что там меня кто-то ещё сможет спасти.

Спустя несколько часов поездки на старом джипе до ближайшей железнодорожной станции и пары потерянных марок, я уже ждал свой локомотив, готовящегося унести меня в туманное будущее.

Душу не покидало беспокойство, поэтому я постоянно то отстукивал ногой ритм, стуча подошвой о деревянный пол, то пугливо озирался, надеясь не встретить в этой глуши, потерянной среди мёртвых деревьев и грязного снега, тех, кому доверял несколько дней назад.

Поезд приехал через полчаса томительного ожидания. Стальная гусеница остановилась прямо передо мной, выпустила пар из своего двигателя, словно бы облегчённо вздохнув, и замерла. Я быстро вбежал внутрь и сел в своё купе и стал ждать отправления.

И когда двери в вагон уже закрылись, а поезд только дёрнулся, отталкиваясь от станции, я увидел, как Клаус и Лили взбегали на платформу. Они увидели меня в окне. Я смерил их презрительным взглядом и умчался вперёд, в неизвестность. Туда, где меня бы никто и никогда не нашёл.

Глава V

Я был в городе уже три дня, и до сих пор не знал, что делать дальше. Всё это время прошло в тумане, помню только, как вышел на грязном перроне, огляделся по сторонам и увидел их. Людей. Не обременённых тяжелой жизнью. Не знающих о смерти столько, сколько знали те, кто жил в глуши. Не понимающих страданий других. В глазах блестел азарт, жажда жизни, и я выглядел среди них, как бельмо на глазу.

Прошёл сквозь огромные двери и очутился практически на окраинах. Я бродил долго, упорно, стучался во все двери, где висела табличка «сдаётся в аренду», но каждый раз уходил ни с чем – слишком дорого.

День только занимался, солнце встало невысоко, обливая косыми лучами мостовую. Помню, как стоял на небольшой площади со старым памятником неизвестного мне писателя, облепленного со всех сторон неработающими фонтанами. Люди бродили вокруг, их ничто не заботило, и это злило ещё больше.

Однако я не увидел над ними ни одного Жнеца. Пустые крыши, переулки, наполненные лишь липкой тьмой и грязью, огромные полупустые площади – ни единого следа.

В конце концов я остановился в небольшом доме, где хозяйка по имени Габриэла Ройт – миловидная женщина лет тридцати пяти с веснушками на носу и огромными голубыми глазами – сдавала комнаты совсем недорого, у меня даже оставались деньги на пропитание. Она дала мне комнату на втором этаже, откуда из окна открывался неплохой вид на широкую, залитую светом, улицу. На другой стороне я увидел небольшое кафе с огромными панорамными стёклами, откуда лился неяркий тёплый свет.

Так я и прожил три дня в полном одиночестве. Каждое утро Габриэла заходила ко мне в комнату и будила, легко трясая за плечо. Её прикосновения казались мне словно прикосновения матери по утрам, когда та будила меня в школу. Я открывал глаза и, глупо улыбаясь, смотрел на неё.

– Доброе утро, мистер Моргентау, – она улыбалась в ответ. – Вижу, вы как всегда в хорошем настроении.

– Когда вас вижу, то у меня всегда хорошее настроение, – отвечал я, садясь на край кровати.

– К сожалению, быть с вами всё время не смогу. Я замужем.

– Понимаю, – отвечал я. – Может, будем друзьями?

– Мы и так друзья, мистер Моргентау. Мы все – одна большая семья, – отвечала Габриэла и начинала протирать пыль, слишком эротично выгибаясь, пытаясь дотянуться до кофейного столика. Не могу сказать, что я её хотел, но эта женщина была мне симпатична – впервые за много лет одиночества. И каково было моё разочарование, когда я узнал, за кого она вышла замуж. Мистер Ройт был законченным пьяницей, постоянно дрался с кем-то у входа в дом, блевал прямо в холле, ругался и стучал среди ночи в двери постояльцам её маленькой импровизированной гостиницы. Однажды, на второй день, он постучался ко мне в комнату.

– Чего нужно? – шурясь от яркого света из коридора, сказал я. Передо мной стоял мужчина: весь в лохмотьях, с запёкшейся кровью на губах и руках.

– Да ты... кто ты, мать твою, такой? – еле ворочая языком, сказал он и опёрся на дверной косяк. – Ты что делаешь в моём доме?

– Живу, я постоялец, – серьёзно ответил я, понимая, что с такими людьми лучше разговаривать осторожно, ибо любое слово могло спровоцировать его на драку.

– А какого хрена ты тут живешь? – продолжал гнуть свою линию мистер Ройт. – Тебя Габриэла пустила что ли?

– Да.

– Чтобы завтра тебя здесь не было, – тихо сказал он, нагнувшись практически вплотную. От него несло перегаром и блевотиной. – Понял меня?

– Господи, Норман, что ты здесь делаешь? Я тебя уже спать уложила! – из другого конца коридора на него бежала разъярённая миссис Ройт. В тот момент мне было её по-настоящему жаль, но любовь зла – полюбишь и пьянь.

– Золотце, не мешай, – заплетающимся языком осадил её Норман, – не видишь, я тут с человеком разговариваю.

– Отстань от него! Иди спать, алкаш! – она взяла его за руку и повела к лестнице на третий этаж.

– Хэй, отпусти меня, женщина! – он пытался вырваться, но хватка его слишком ослабла из-за влитого внутрь количества алкоголя. – Мы с тобой ещё не закончили, урод! Завтра я тебе рожу-то разукрашу, если увижу утром!

– Извините, ради Бога, – говорила Габриэла, толкая своего непутёвого мужа к лестнице. – Это нечасто бывает.

– Ничего, к такому можно привыкнуть, – отвечал я, понимая, как ей тяжело с ним. – Доброй ночи, Габриэла.

– Доброй ночи, Адам.

Затем закрывал дверь и заваливался спать.

Наутро четвёртого дня я не выдержал и спустился в кафе напротив. Внутри было довольно просторно и даже мило: круглые столики, расставленные по залу, светлые полы и мятного цвета обои на стенах. Сверху свисали простенькие люстры с газовыми лампами. Я удивился, ведь весь мир понемногу переходил на электрические. Видимо, для антуража, подумал я, садясь за столик возле стены.

Вместе со мной в зале были ещё несколько человек, но все они выглядели как-то слишком весело для того, чтобы обратить внимание на нового посетителя. Все остались недвижимы. Кроме одного.

Стоило мне опуститься на мягкий стул, как передо мной тут же возникла фигура кельнера.

– Чего желаете, сэр?

– Кофе и солёные крендели, я видел, что на них у вас скидка, – непринуждённо ответил я.

– Сию минуту.

Он скрылся в дверях на кухню, а я вновь остался наедине со своими мыслями. Но ненадолго. Уже спустя несколько минут одиночества я почувствовал на себе пристальный взгляд. Незаметно оглянулся и понял, что на меня таращился молодой парень, слишком потрёпанный и старый для мальчишки, но слишком юный для зрелого мужчины. Стоило нам встретиться взглядами, как он тут же отворачивался к панорамному окну, делая вид, будто я ему совсем не интересен. Как только я вновь смотрел в стол, то снова начинал чувствовать на себе колющий пристальный взгляд.

«Да что ему надо? – подумал я, не решаясь встать и спросить напрямую».

Кельнер принёс кофе и крендели. Я пил его не спеша, растягивая одновременное удовольствие от выпечки вперемешку с отвращением от кофе, готовить его в этом месте совершенно не умели. Как только на столе остались лишь пустая чашка да блюдце, ко мне вновь подошёл кельнер и положил счёт. Видимо, он подумал, что на большее в их кафе мне денег не хватает. Пусть он и ошибался, и это даже как-то задевало моё самолюбие, но я решил просто оплатить счёт, не начиная бессмысленную стычку.

Наконец, загадочный юноша встал, и я уже подумал, что он направляется к выходу, как он тут же свернул в мою сторону. Он остановился возле моего столика и целую вечную секунду разглядывал меня.

– Что-то нужно? – не выдержал я.

– Нет... то есть да... – неуверенно начал он и аккуратно присел напротив. Замолчал. Тишина длилась ещё несколько неловких мгновений. – Мне хотелось бы нарисовать вас.

– Чего? Нарисовать?

– Именно. Мне нравятся ваши черты лица.

– Приятно, конечно. Спасибо.

– Пожалуйста, – легко улыбнулся он, ковыряя длинным ногтём полированную поверхность стола. – Ну так что? Согласны?

– Даже не знаю, – замялся я, не понимая, как надо реагировать. – Я должен за это заплатить?

– Скорее я. Просто побудьте натурщиком, всего пару часов в день. Это недолго, я даже могу заплатить.

«Странный тип, – подумал я. – Но деньги есть деньги, а они мне всегда нужны. Ладно, была ни была».

– Хорошо, – я развёл руками. – Где встретимся и когда?

– Вот, – он взял салфетку из подставки и, выудив из глубин своего большого для его тела пальто ручку, начеркал на ней пару слов. Придвинул ко мне.

– Я приду.

– Обязательно приходите. Это очень важно.

– Вы реальный художник?

– В каком смысле? – юноша впал в ступор.

– Ну, я думал, вы как-то зарабатываете на этом. Хотя, может, я всё не так понял.

– Ах, вы об этом, – вздохнул он. – Иногда удаётся продать пару картин на выставках. А так, это скорее хобби, чем профессия.

– Занятно, – ответил я и встал, надевая своё пальто. – Так, как говорите, вас зовут?

– Людвиг. Людвиг Тарновский, – он встал вслед за мной.

– Адам, – я протянул ему руку, и тот слабо её пожал.

– Ох, – вздохнул вдруг Людвиг, взглянув на настенные часы. – Мне пора, не забудьте про рисунок.

– Обязательно, – ответил я, и Людвиг тут же выбежал из кафе, негромко хлопнув дверью. Колокольчик над ней звенел ещё несколько секунд, затем быстро стих.

Я вышел из кафе сразу после него, но его и след простыл. Улица была пуста, и я просто закурил и пошёл дальше, вглубь города, вернее, на его окраины.

Сам того не заметив, я вошёл в старые кварталы, которые оказались чуть менее приятными на вид, чем я ожидал. Четырёхэтажные дома выглядели разбитыми, словно пару дней назад по этому району прошла артиллерия или огромная революция захватила это место. Фасады отвалились, обнажая неприглядные внутренности из кирпичей и каменных блоков. Крыши косились, грозясь рухнуть прямо на дорогу, черепица с них изредка сыпалась на тротуары, и этот глухой стук с периодичностью отдавался в переулках.

– Ай! – вскрикнул кто-то вдали после очередного хлопка.

Я шёл по улицам и смотрел на людей. Выглядели они неважно. У стен домов стояли проститутки, размалёванные хуже, чем безвкусные картины в галереях. Они ждали свою золотую жилу, только вот с районом прогадали, поэтому курили сигареты одну за одной, изредка обсуждали что-то шёпотом, косились на прохожих, выглядевших, если часто, не лучше их самих.

Они все ходили в лохмотьях, с грязью и кровью на лице. Погасшие глаза смотрели на всё словно сквозь какую-то полупрозрачную пелену, и этот взгляд каждый раз заставлял меня вздрагивать.

Я шёл всё дальше и дальше на окраины города, и с каждым пройденным кварталом становилось всё мрачнее и мрачнее. Вскоре в некоторых зданиях появились заколоченные двери и выбитые окна, а совсем уж на краю города в некоторых домах даже не было стен. Кирпичи

и осколки стекла и мусора лежали по всей мостовой, ровным слоем укрывая район от холодов. Людей практически не было. Я бродил по Старому городу весь оставшийся день, наслаждаясь и одновременно ужасаясь всему тому, что мне пришлось увидеть.

Вскоре стемнело, и я решил идти обратно. В моей голове отложилась дорога, которой я шёл, но как бы то ни было, возвращаться оказалось немного труднее, чем я ожидал. Все повороты и улицы выглядели одинаково грязными, беспомощными в своём хаосе, люди на них, казалось, были одни и те же. Город стал похож на уродливый лабиринт, и с каждым пройденным поворотом я боялся увидеть перед собой минотавра, готовящегося разорвать меня куски.

Однако вместо него я увидел то, отчего уже успел отвыкнуть.

Жнец был здесь. Даже двое. Я увидел их ещё за пятьдесят метров от себя, дальше по улице. Два огромных чёрных силуэта с горящими глазами сидели на крышах по разным сторонам дороги и пристально смотрели вниз, на трёх стариков, греющихся у импровизированного костра, сделанного из того, что осталось от города. Я приближался, но монстры не обращали на меня никакого внимания, казалось, их интересовали только те трое, что прогревали свои продрогшие на морозном воздухе тела, закутанные в не раз залатанные пальто и шинели.

Я поравнялся с ними и замедлил шаг. Остановился, чтобы закурить, и уже вновь хотел пойти, но что-то меня удержало. Какое-то странное чувство, мешающее бросить их в неведение.

– Чёрт, – выругался я и быстрым шагом подошёл к ним, понимая, какую ошибку совершаю.

Они посмотрели на меня с таким презрением, с каким бедняки смотрят на богачей, то есть с завистью и подавленной ненавистью. Однако все трое молчали, ждали, что я им скажу.

– Сегодня ночью двое из вас умрут, – быстро сказал я и отошёл от них, скрывшись во тьме. Только спустя несколько десятков метров я осознал, что сделал. Мне казалось, что этот поступок станет одним из самых глупых в моей жизни. Кто знает, как они должны были умереть и как умрут теперь. Мне, конечно, не хотелось брать на себя такую ответственность, но время назад не идёт, а поэтому я потащу этот груз на себе, ещё один булыжник, упавший на мои уже не выдерживающие плечи.

Кое-как я вернулся в свой район. Я узнал свою улицу по кафе и яркому свету, льющемуся из панорамных окон. Внутри сидело много людей, все они что-то обсуждали, смеялись, делали вид будто ничего в этом мире никогда не меняется. Нет, я не ненавидел их. Мне было их жаль, и одновременно завидно, потому что им выпала доля обычных людей, которым не приходится сталкиваться с чем-то, с чем априори столкнуться не могут.

Я не хотел, чтобы меня преследовали Жнецы. Даже если они охотятся на всех остальных, даже если эти люди мне незнакомы, даже если мне бы хотелось, чтобы какой-либо человек умер, то я всё равно желал бы отказаться от этого тягостного дара.

Ночью мне совсем не спалось. Я встал, достал из-под кровати заранее припасенную бутылку дешёвого виски, выудил из старого платяного шкафа рюмку, налил. Выпил. Ещё налил. Ещё выпил. Легче становилось лишь совсем чуть-чуть, появилась сонливость, но вместе с тем меня начало тошнить. Казалось, если я сейчас же не лягу и не усну, то после смогу лечь только в гроб. Однако стоило мне закрыть глаза, как весь мир начинал крутиться в бешеной карусели безумия, с которой мне оказалось трудно выбраться.

Вскоре сон сломил меня, и голова кружилась уже значительно меньше, и я смог уснуть, погружаясь в пучину уже привычных кошмаров.

Но даже сквозь крепкий алкогольный сон я слышал *их* рёв за окном и понимал, что долго мне не продержаться.

Они придут и за мной.

Глава VI

Через пару дней после того, как я впервые увидел Жнецов в городе, я решил сходить проведать Людвиг. Наверное, он ждал меня, а может и забыл о том, что дал мне свой адрес.

Он жил всего в паре кварталов от меня, рядом с историческим центром, где все здания выглядели чуть лучше, а значит и люди жили там побогаче. Его пристанищем был трёхэтажный многоквартирный дом с фасадом грязно-зелёного цвета, высокими окнами с решётками и маленькой парадной дверью.

Я держал в руках салфетку, на которой Людвиг написал адрес. Прикинул, на каком этаже он живет, и отправился наверх.

Он жил на третьем.

Я долго стоял возле его двери, боясь постучать. За ней я не слышал ни звука, да и вообще во всей парадной не было слышно ничего, словно эта часть мира была свободна от любых звуков. Нога моя гулко стучала о кафель, и этот шум хоть как-то помогал не потеряться в вакууме.

Наконец я постучал. Несколько секунд стояла тишина, затем дверь со скрипом отворилась, и передо мной возник тот же самый юноша: в том же старом пальто, с тем же молодым, но усталым лицом, с впавшими серыми глазами и впавшими щеками. Его руки изредка начинали дёргаться, отчего он не мог держать кисточку. Но это я увидел позже.

А в тот момент мы стояли и смотрели друг на друга.

– Привет, – я первый нарушил тишину. – Помните, мы в кафе встретились? Вы пригласили меня быть натурщиком.

– В кафе... – он на мгновение прикрыл глаза, затем вновь взглянул на меня. – А! Адам?

– Да.

– Проходите, я вас ждал.

Я вошёл в его скромную обитель и присел на небольшой слегка потрёпанный временем диванчик, обитый серой тканью. Людвиг закрыл дверь на ключ и прошёл к небольшому шкафу, что высился в полутьме одной большой комнаты, заваленной различными инструментами художника. Краски, палитры, мольберты и холсты, огромные связки кистей, картины, развешанные на стенах. Однако, что меня удивило больше всего, так это творения самого Людвиг. Ни одно из них не было дорисовано – лишь наполовину раскрашенные лица, пейзажи, словно мир на этих картинах разваливался на куски, что растворялись в небытие. Я где-то слышал, что любой пейзаж, ландшафт, отраженный на холсте – автопортрет. Картины отражают душевное состояние художника, то, что его гложет. Это можно заметить невооруженным глазом: какого цвета краски использует, мрачный ли сюжет, лёгкие мазки кистью или может усиленные нажатия на холст. Я мог бы сидеть и часами разбирать картины Людвиг, но мне это показалось не очень интересным занятием, учитывая то, что он уже возвращался ко мне и ставил на кофейной столик перед диваном бутылку хорошего красного вина.

– Вы не против, надеюсь? – он с надеждой в глазах взглянул на меня.

– Если вам так удобнее, то пожалуйста.

– Нет-нет, это по другому поводу, – Людвиг сел в кресло рядом с диваном. – Я не работаю, когда пьян.

– И правильно. Ни к чему хорошему не приведёт.

– Может, поэтому у меня ничего не получается.

– Что вы! – возмутился я. – По-моему в них есть своё обаяние.

– Ну, мне они совсем не нравятся. Хотел бы сжечь их, но жаль потраченного времени.

Мы на некоторое время замолчали. Наконец, он повернулся ко мне.

– Может, начнём работать?

– Пожалуй, – пожал плечами я и встал.

Людвиг отвёл меня к окну и усадил на старую табуретку рядом, приказав смотреть в окно, откуда мне в глаза бил яркий солнечный свет. Он поправил моё положение головы и приступил к рисованию.

Сначала он просто смотрел на меня, что-то измеряя. Потом повертел головой, даже пару раз передвинул мольберт. В конце концов Людвиг всё же решился взять в руки кисточку и краски. Гуашь. Тёмная и склизкая. Мне больше нравилась акварель – в ней с виду не так много зла скрывалось.

Он принялся рисовать. Отложил краски и взял карандаш. Сделал пару набросков, выбросил их, потому что ему не понравилось. Нарисовал нормально и вновь в его руках оказалась палитра и толстая кисть.

– Да что ж такое?! – он, похоже, перерисовывал картину прямо там, на холсте. То ему не нравился цвет, и он уходил к большому шкафу с полупустыми банками с красками всех цветов, которые я только знал: и основные, и тонкие оттенки от терракотового, до индиго и персикового. Никогда мне не доводилось видеть столько яркости в одном месте. Жаль только, что Людвиг в итоге выбрал две серые банки и одну грязно-жёлтую.

– Вот так сойдёт, надеюсь, – сказал он, и у меня уже начинали закрадываться сомнения о его способностях художника. У меня затекла шея, и сидеть становилось всё тяжелее с каждой минутой. Солнце слегка сдвинулось в сторону горизонта, и его свет резал глаза не так сильно.

Затем на небе появились серые облака, и солнца не стало совсем.

– Не везёт что-то мне сегодня, – вздохнул он и отложил кисть. – Продолжим, когда вам будет удобно.

Я лишь глубоко вздохнул и повернулся в сторону мольберта. Шея приятно хрустнула.

– Может, немного прогуляемся? – сказал он мне, закрывая банки с краской. – Погода неплохая. Если бы только не эти облака...

– Я бы, наверное, не выжил, – шёпотом я закончил за него фразу и вновь присел на диван. Затем уже громко сказал:

– Почему нет? Заняться всё равно нечем.

– Вы ведь недавно здесь?

– Почти неделю.

– Тогда нам просто необходимо сходить в одно замечательное место. Оно в соседнем районе, но того стоит, – в глазах Людвига заблестел огонь.

– Что это за место?

– Там, где все деятели искусства находят свой дом.

– Надеюсь, это не какой-нибудь притон на окраине города? – я внимательно посмотрел на него, прожигая взглядом. Просто мне совсем уж не хотелось связываться с группой подпольных художников, либо ищущих способа забыться, либо ищущих признания среди таких же отбросов, как и они сами.

– Тогда, может, выпьем перед выходом? – Людвиг вновь взял в руки бутылку красного вина, что до этого времени стояла на столике, из кармана пальто достал штопор – мои брови невольно поползли вверх от удивления, – откупорил её и начал разливать тёмно-красную жидкость в бокалы. Запах у него был терпкий, даже немного кисловатый, отчего в первые секунды мне даже расхотелось пить. Но Людвиг уже стукнул свой бокал о мой и радостно сказал:

– Первый тост – за искусство! – и залпом осушил весь бокал.

Я сделал то же самое, но за три подхода.

– Ещё по одной? – спросил он, уже разливая вино.

– Мы же пойдём гулять, а не за новой бутылкой, вам не кажется? – нахмурился я. Мне претила мысль о том, что ночью я буду тащить его тощее тело на себе через несколько районов.

– К чему этот официоз? – Людвиг, казалось, стал чуть более раскрепощённым, нежели при нашей первой встрече. Теперь его глаза были полуприкрыты в сладостной истоме

от кратковременного опьянения, а руки перестали дрожать. Хотелось даже сказать вслух, что лучше бы ему рисовать, будучи пьяным вусмерть, но промолчал.

– Давайте на «ты»?

– С удовольствием, – ответил я и осушил с ним ещё один бокал.

Уже через полчаса мы шли по морозному городу, огибая невысокие здания, слушая рёв пролетающих мимо машин. Солнце уже садилось за горизонт, и небо окрасилось в приятный розовый цвет. Облака неспешно плыли над нами, в вышине кричали птицы.

– Вот это здание было построено в начале восемнадцатого века, представляешь? – Людвиг ткнул пальцем в здание с очень странной архитектурой: низкие квадратные окна на первом этаже, высокие на последующих. На фасаде были барельефы колон и античных статуй и золотых элементов декора. Всё это выглядело так цветасто и уродливо, что на фоне остальной части города он выглядел архитектурным инвалидом.

– Какой-то граф, имени уже не помню, – продолжал Людвиг, идя дальше, – захотел себе построить самый необычный дом, который только увидит свет. Сейчас, конечно, есть здания и уродливее этого, но здесь оно просто не имеет конкурентов.

– И в нём кто-то живёт? – спросил я, раскидывая ногами снег, лежащий на мостовой.

– Там музей, больше ничего.

Мы прошли ещё дальше, проплыли мимо какой-то большой площади, где стояла целая толпа людей и с неподдельным интересом рассматривала высокую статую.

– Чего они там стоят? – я пальцем ткнул в сторону людей.

– А, плюнь на них. Собираются там каждую неделю, и никто не знает, почему. Видать, просто привычка, – Людвиг ускорил шаг. – Пойдём, мы почти дошли.

Он немного слукавил, когда сказал «почти дошли». На самом деле мы плелись ещё около двадцати минут, пока не свернули в какой-то тёмный грязный переулок. Я не мог оторвать взгляд от старой женщины, что стояла под одной из арок. Её лицо было разукрашено очень ярко и аляповато, и я мог лишь предполагать, чем она тут занималась. Наверняка торговала телом, как и многие отчаявшиеся люди. Ведь когда душу свою ты уже продал, остаётся только пустая плоть, а она всегда была ходовым товаром.

– Есть искры? – шёпотом спросила она, когда мы поравнялись. Людвиг ушёл немного вперёд.

– Искры? – вопросительно нахмурился я.

– Ну, ты же за этим идёшь, не так ли?

– Я просто иду за приятелем. У вас не все дома.

– Ох, у меня-то как раз все дома, – она рассмеялась и подкурила сигарету, выдохнув дым мне в лицо. – Ты поймёшь, о чём я. Иди, может, ещё увидимся, малыш.

«Кошмар, – подумал я и как можно быстрее догнал Людвига, стоявшего в десяти метрах от меня».

– Что она хотела? – спросил он меня, когда мы уже подходили к какой-то двери.

– Искры какие-то. Хрен его знает.

– О, зря она у тебя их попросила. Глупая старуха. Ну ничего, ты всё сам поймёшь.

– Если ты привёл меня в притон, то я уйду, – я остановился прямо возле двери. Людвиг, хотевший уже дёрнуть за латунную обшарпанную ручку, остановился и снисходительно посмотрел мне в глаза.

– Это всего лишь сборы подпольных художников. Не кипятись.

– Ладно.

Мы вошли. Внутри было душно, пахло алкоголем и рвотой, сизый дым окутал это место практически полностью.

– Ну точно притон, – вздохнул я.

– Люди здесь расслабляются. Тебе тоже стоило бы этому научиться, – отнекивался Людвиг.

– А картины-то хоть есть?

– Этажом ниже.

Мы спустились по широкой лестнице. Возле стен стояли молодые люди. Все они были одеты очень странно и непривычно. Но в такой атмосфере особого вида веселья они были как рыбы в воде.

Я шёл сквозь потоки дыма, алкоголя, целующихся молодых парней, девушек, запивающих цветные таблетки, опрокидывая бутылку водки. Шёл и думал, о том, что в этом богом забытом месте забыл я: одинокий, слишком тихий и совершенно неприспособленный для этого. Во мне не было ни капли азарта, ни грамма желания такого рода приключений, но почему-то я был здесь, хотел отпустить всё, что меня держало, в том числе Жнецов. Наверное, это говорит во мне жажда перемен. Ветер подул с юга, и я решил броситься буквально с места в карьер. Я уехал из своего города, бросив всех, оказался здесь и теперь шёл непонятно куда с первым встречным парнем из кафе. Я невольно улыбнулся от абсурдности всей ситуации и понял, что этот вечер я либо вообще не запомню, либо он отложится в моей памяти навсегда.

– Пойдём к Шиллеру, мне нужно с ним поговорить, – Людвиг обернулся ко мне и, взяв меня за запястье, протащил через просторный зал, окутанный полутьмой и запахом перегара от молодых людей, выглядевших как школьники, сбежавшие с уроков. Где-то через виниловый проигрыватель играл задорный джаз.

– Что за Шиллер? – спросил я, не успевая за ним.

– Увидишь.

Наконец, мы дошли до другого конца зала с экспонатами (я заметил их не сразу, только после того как глаза привыкли к темноте) и остановились возле молодого парня – моложе Людвига – со светлыми кудрявыми волосами, хаотично лежащими на голове. Он был в хлопковой рубашке, жилетке и штанах в одном цвете. Выглядел как интеллигент, и мне это понравилось.

– Привет, – он помахал Людвигу рукой, мы с ним обменялись рукопожатиями. – Я Шиллер. Людвиг, наверное, уже рассказывал тебе обо мне.

– Адам. Да, упомянул только что, когда мы пришли.

– Славно. Людвиг, зачем на этот раз? – Шиллер скрестил руки на груди.

– А что есть? – он нагнулся чуть ближе к своему товарищу, и в тот момент у меня в голове появились глубокие сомнения, что это обыкновенная выставка.

– Вот, – он сунул ему в руку какой-то пакет с белыми таблетками, и Людвиг тут же спрятал его в карман своего пальто. Мы отошли вглубь танцующей толпы.

– Что за хрень, Людвиг? Ты сказал, что мы на выставке!

– А мы и на выставке. Посмотри, сколько картин на стенах, и многие из них были нарисованы теми, кто сейчас в этом зале, – он обвёл руками комнату. – Это искусство, Адам. Хорошее, не всегда понятное, но оно всё равно имеет право на существование. А уж под чем мы пишем свои картины, это не должно никого волновать.

– Что это за таблетки? – я кивнул в сторону топорщащегося кармана пальто.

– Не знаю, но от них весело. Шиллер называет их Искрами.

– Искрами? – в голове всё тут же встало на свои места. И зачем под аркой стояла та старуха, зачем люди прячутся, зачем устраивают такие дикие танцы и гулянья. Они просто не хотят, чтобы кто-то ограничивал их свободу убивать себя. Иронично слышать это от человека, который сам регулярно убивает себя, втягивая дым в лёгкие, заставляя себя задыхаться.

– Будешь? – он протянул мне одну таблетку.

– Я не знаю, хочу ли... – я нахмурился.

– Тебя никто не заставляет. Можешь просто чего-нибудь выпить. Стол вон там, – он указал куда-то позади себя, и я, хлопнув своего нового приятеля по плечу, прошёл сквозь толпу и, оказавшись возле стола, налил себе водки. Выпил две рюмки. Понял, что скоро мне ударит в голову, и я смогу отпустить себя, а именно этого мне и хотелось в тот момент. Ноги уже начинали подкашиваться спустя двадцать минут, но я не чувствовал удовлетворения. В полутьме мне иногда мерещились те самые ужасные жёлтые глаза, предвещающие чей-то конец прожитых дней. Мне хотелось напиться до беспамятства, до полной потери сознания, чтобы вокруг меня была тьма, хотя бы ненадолго, чтобы я смог отдохнуть. Если уж я не хочу принимать Искры, то почему должен ограничивать себя в чём-то ещё?

Ко мне подошла молодая девица в платье с широким декольте. Она незаметно прибилась ко мне, и мы танцевали вдвоём.

– Как вас зовут? – томным голосом спросила девушка, приблизившись к моему уху. Для этого ей пришлось встать на цыпочки.

– Не важно, и мне плевать, – ответил я. – Давайте просто потанцуем вдвоём, раз уж жизнь так сложилась.

Она улыбнулась и кивнула. Спустя пару песен она хотела потащить меня в женскую уборную, но я отказался, боялся, что вывернет прямо там. Поэтому эта молодая профурсетка нашла себе какого-то парня, помоложе меня и более сговорчивого – я видел как через пять минут она уже завела его в туалет и закрыла дверь.

Я продолжал пить, но уже ограничивался лишь пивом. Оно было совсем невкусное, словно сделанное из помоев, но я продолжал пить, не мог остановиться. И в один момент я просто сказал себе: «Хватит», – и просто поставил бутылку на стол.

Вышел на улицу. Закурил. Постоял несколько минут. Закат был на удивление красив, и небо по-прежнему выглядело слегка розоватым, облаков стало больше, и в воздухе чувствовался запах свежести приближающегося дождя со снегом.

Я выкурил три сигареты прежде чем Людвиг нашёл меня. Он осмотрел меня, спросил всё ли в порядке. Всё, что я смог сделать – это слабо кивнуть и тут же потерять сознание.

А затем я плавал в обжигающей и одновременно приятной тьме. Вокруг была тишина и спокойствие, лишь изредка я слышал какие-то окрики, стук, но эти звуки были настолько незначительны, что я продолжал лежать в забытьи, в горячей воде сознания, где я мог с лёгкостью утопить себя, но продолжать оставаться на плаву. Казалось, ещё немного, и моя кожа покроется волдырями, настолько вода была горячей, но в голове почему-то было пусто, и меня совершенно не волновал тот факт, что я мог свариться заживо.

Но когда я открыл глаза в реальном мире, то обнаружил себя, лежащего на своей кровати, под тёплым одеялом. Я перекинулся через край и с трудом встал. Надел штаны и босиком пошёл в другой конец коридора. На дворе стояла глубокая ночь, и все уже ушли спать.

Я вдруг вспомнил о мистере Ройте, что грозился выкинуть меня отсюда, но бояться его больше не стоило, ведь я тоже был пьяный.

В ванной комнате тоже было тихо и пусто. Лишь грязный кафель бледно-болотного цвета нагонял тоску и уныние. Я посмотрелся в разбитое зеркало и понял, что не зря временами ненавижу себя. Именно Адама-алкоголика я ненавидел больше всего. Он всегда помятый, с некрасивой щетиной, синяками и порезами, в грязной майке или рубашке. Но что самое страшное, так это смотреть в глаза. Они были безжизненными, слишком... спокойными, как у мертвеца, и меня это пугало. Мне ведь хотелось быть живым, никогда не хотел я умирать. Даже если я ненавижу себя, то это не значит, что я не хочу жить.

Я умылся холодной водой, почистил зубы чьей-то зубной щёткой, слегка намочил засаленные спутавшиеся волосы, вернулся к себе и заснул крепким сном без всяких сновидений.

Лишь внутри я ощущал пустоту и холод. Впрочем, так было всегда. Почти всегда.

Глава VII

Деньги заканчивались довольно быстро. За две недели я успел просадить на сомнительные развлечения и алкоголь почти все сбережения, что взял с собой, и теперь мне приходилось экономить. Походы в кафе сошли на нет. Каждый день я старался есть как можно меньше, а чтобы уменьшить чувство голода я часто курил – сигарет осталось ещё много. Воду я набирал в фонтанчике в холле, чтобы не покупать её лишний раз.

Миссис Ройт наблюдала за мной и много раз предлагала помощь.

– Ну что вы, мистер Моргенту! Мне не сложно! Давайте я вас покормлю? – она стояла возле меня, пока я набирал во фляжку немного мутной воды.

– Не хочу быть перед кем-то в долгу, – отвечал я, улыбаясь. – Слишком тяжкое бремя.

– Да какой долг? Я ж от чистого сердца, – продолжала она. – Идёмте, муж всё равно ушёл в запой.

– Он в вашей комнате?

– Нет, пропадает где-то уже третий день. Да и мне уже всё равно, все нервы мне истрепал, чёрт проклятый. Люблю его, но уже не могу, иногда надеюсь, что он сдохнет где-нибудь в канаве.

– Это... довольно жестоко, – ответил я.

– Жестоко, да, ну а как по-другому, если он меня не слушает и не хочет слышать?

– Попытаться его изменить.

– Ах, сил уже нет. Может, сам осознает, какой он дурак.

– Посмотрим.

И так каждый день. Когда Мистер Ройт вернулся – весь избитый, в рваной одежде, в руках сияла «розочка» от бутылки, – Габриэла была отчего-то очень рада, в уголках даже блестели капельки слёз. Они заперлись ванной, из-под двери повалил пар.

Я же на весь день уходил к Людвигу, чтобы он смог дорисовать мой портрет. Однако, чем чаще я приходил, тем чаще мы просто сидели на его драной тахте и пили вино. Когда я напоминал ему о рисовании, мой друг начинал хмуриться:

– Ой, да у нас полно времени, не торопи меня!

– Я думал, тебе это нужно.

– Нужно! Но не сейчас, – громогласно заявлял Людвиг. – Сегодня нет вдохновения, я не могу рисовать.

– И ты его дожидаясь?

– Набираюсь. Вино помогает. И ты помогаешь.

Мы сидели так до вечера, дожидаясь, пока солнце не завалится за горизонт. Я смотрел в окно, на розоватое небо, дожидаясь, когда Людвиг сможет встать с дивана и выйти на улицу, освежиться. Обычно он уводил меня куда-то в самую глушь, в непролазные лабиринты городских переулков, где обычно собирался всякий сброд, который я видел на больших сборах потерянных в жизни художников.

Затем мы выходили на залитые фонарным светом площади. Там толпились люди, похоже, искренне заинтересованные в том, что они видят. Однако мы лишь проходили дальше, углубляясь в яркую жизнь медленно умирающего города.

Обычно на таких прогулках Людвиг приводил меня к кому-то домой, в старую квартиру на чердаке или, наоборот, в подвалах. Рядом сидели такие же, как и Людвиг: свободные, немного неуверенные в себе и своих способностях художники, мечтающие о чём-то великом. Я пил с ними пиво, рассматривал чужие работы, бывало, даже читал чужие стихи (один парень отдал мне огромную стопку своих стихов, которую я забыл забрать). И всё это мне даже начинало нравиться. Неспешная жизнь, устремлённая в никуда, но нацеленная на мечты, чаще всего

несбыточные. Однако людей это устраивало, им не нужно достигать своих целей – им достаточно того, что они мечтают о чём-то великом.

Я не видел ни в ком из них непризнанного гения своего времени, все они были чуть больше, чем посредственности, но ниже, чем приличный художник. Им всем нужна была практика и мотивация, но у них ничего из этого нет. Каждый раз, когда мы собирались вместе, они обсуждали новинки в мире кино, музыки, кто написал новую картину, но никто из них не спрашивал о каких-то техниках рисования, никому не было интересно, как кто-то нарисовал ту или иную картину. Эти люди для меня стали декорацией, всего лишь фоном для познания самого себя, и после встречи с ними я понял, что быть художником – это не для меня.

– Ох, скоро выставка в Амстердаме, – говорила девушка по имени Линда. Она обычно садилась в кресло с бокалом вина и пыталась растянуть его на целый вечер. – Надо бы начать рисовать, я там всех сразу сразу наповал.

– Тогда что ж ты тут сидишь? – отвечал её возлюбленный, Тим, сидя рядом с ней на тахте. – Сколько дней ты мне мозги мусолишь, но я что-то не вижу ни одной картины в нашей мастерской.

– А ты как будто рисуешь, да?

– Я хотя бы в мастерской появляюсь чаще раза в месяц.

– У меня нет времени!

– У тебя нет желания! И таланта тоже! Постоянно болтаешь о том, как люди будут восхвалять твои работы, но ты ни черта не сделала для того, чтобы это стало правдой! – переходя на крик, говорил Тим. Они часто ссорились с Линдой, но почему-то, когда в следующий раз мы собирались в чьей-то квартире, то они вновь были вместе, а затем всё повторялось по кругу.

– Да пошёл ты, козлина! Только и делаешь, что упрекаешь меня! – она вставала с кресла, звонко ставила бокал на стол и убегала вниз, курить и плакать.

Обычно Тим убегал за ней следом и прямо там они мирились, затем уходили от нас заниматься любовью на квартире у Линды. Он потом часто рассказывал о своих сексуальных утехах, гордился тем, что они страстные, долгие и даже «лучшие на свете».

Мы уходили под утро, пьяные, приходили на набережную, встречали рассвет, смотрели на огромный жёлтый глаз, словно глаз Бога, медленно выплывающий из-за моря. Людвиг держал в руках бутылку пива, его короткие тёмные волосы развевались на холодном морском ветру, приносящим с собой запах солей и сырость. Я стоял рядом и смотрел на яркие отблески на воде, посильнее укутывался в пальто и ждал, когда ветер стихнет.

А затем мы расходились по домам. Я вваливался в свою комнату, еле стоя на ногах, камнем падал на постель и тут же отключался, утопая в горячей, обжигающей тьме. Просыпаясь посреди дня, я садился на край кровати, смотрел на бутылки и вещи, разбросанные по стульям, креслам и полу.

Габриэла заходила лишь под вечер, видимо, волновалась. Она аккуратно складывала вещи на комод, накрывала тёплым одеялом, закрывала окно и уходила, оставляя меня так до следующего утра.

А затем всё повторялось снова.

Так бы и было до окончания времён, если бы мне вновь не понадобились деньги. В один день я пришёл к Людвигу и попросил его найти мне работу.

– Работу? – его брови удивлённо поползли вверх. – Ну, что я могу тебе найти? Я независимый художник, всё, чем зарабатываю, так это продаю картины на аукционах.

– Хоть какая-то работа.

– Ладно, – серьёзно сказал Людвиг. – Есть у меня один друг, ему вроде как нужен был помощник.

– Где он работает?

– Кафе держит на севере, – ответил друг, доставая из шкафа краски, впервые за долгое время. В этот раз он выставил перед собой три банки: коричневую, жёлтую и тёмно-серую.

– Может, продолжим? – Людвиг достал палитру и кисти.

Я кивнул и сел на привычное место. Солнце опять светило в глаза.

Я вернулся домой часов в восемь вечера. Трезвый. Это удивило и меня, и миссис Ройт, что в то время сидела в холле и читала книгу. Она заметила меня и тут же захлопнула её, отложив в сторону.

– Представляете, опять этот козёл ушёл пить! – первым делом сказала она, вставая. Прежде чем продолжить разговор, поправила строгое коричневое платье с оборками и подошла чуть ближе.

– И вам добрый вечер, – улыбнулся я и осмотрелся – кроме нас в холле никого не было.

– Ну вот как мне с ним бороться? – Габриэла встала буквой «ф».

– Хотя бы не отпускать его никуда.

– Так не могу я смотреть, как он страдает. Вижу ведь, что ему плохо без водки. А как отвадить его – понятия не имею.

– Надеюсь, он сам одумается, – сказал я и легонько отодвинул её с моего пути, поднялся по лестнице на второй этаж.

Зашёл и захлопнул дверь. Сел на кровать и увидел, что из-под шкафа торчит уголок чемодана и вспомнил, *что* в нём лежит. Сердце гулко застучало, стало неудобно. Мне было действительно страшно, либо просто стыдно за то, что я так и не решился открыть письмо ещё тогда, когда мне его вручил мистер Ранэр. Что ж я за друг такой, если побоялся прочитал письмо от той, кого не видел вот уже почти десять лет. Столько всего произошло, столько всего поменялось, и я не хотел видеть, не хотел признаваться себе, что и Элизабет, скорее всего, изменилась. Перемены – это всегда тяжело, но под их знаменем протекает вся наша жизнь. Меняются люди, наши пути расходятся, и это нормально. Возможно, они не те, с кем тебе нужно провести остаток своих дней. Меняются места, и ты понимаешь, что как раньше уже никогда не будет, нет той теплоты и нежности, нет ностальгии – лишь голое разочарование. Меняется эпоха, но даже с приходом чего-то нового ты чувствуешь себя неудобно, ведь время не стоит на месте, а ты стоишь и не знаешь, в какую сторону идти. Пойдёшь назад – провалишься в тёмную пропасть прошлого. Пойдёшь вперёд – забудешь обо всём, что делало тебя человеком, ибо время рано или поздно изменит твоё нутро до неузнаваемости. И когда ты помотришь в зеркало в надежде увидеть себя прежнего, а увидишь того, кем ты клялся никогда не становиться, то поймёшь, что потери необратимы. И перемены тоже.

Я достал чемодан и кинул его на кровать. Взял письмо, повертел в руках слегка пожелтевший помятый конверт. Вскрыл его ногтём, выудил оттуда старый листок, словно его вымочили в кофе. Перевернул пустую часть и увидел слова. Это был тот же самый почерк, которым она когда-то присылала мне письма, когда мы были рядом. Эти аккуратные каллиграфические буквы, написанные словно по линейке, этот запах её духов на бумаге. Только тогда я начал понимать, что она, похоже, не потеряла себя, и улыбка облегчения расплзлась по моему лицу.

Я начал читать, не вслух, конечно:

«Как долго я не могла сделать эту важнейшую вещь в моей жизни, самую простую и сложную одновременно, но определённо приятную, такую тёплую и волнующую вещь – написать это письмо. Мы не виделись почти десять лет. Ты, наверное, сейчас читаешь эти строки и думаешь, что я всё та же, что была тогда. Нет. Забудь всё, что знал обо мне, я стала совсем другой, и мне это не нравится. Наверное, нам придётся узнавать друг друга заново, но это не плохо.»

Я до сих пор помню и всегда буду помнить нашу первую встречу. Ещё в школе ты помог мне снять стул с парты, а я... я испугалась этой вежливости и хорошему отношению не доверяла. Смешно, правда?

Городу, в котором я нахожусь, на самом деле, тоже не стоит доверять. Толпы людей никогда не дают тебе свободы, здесь постоянно нужно бороться за то, чтобы остаться человеком, за личную независимость, которой, как ты знаешь, я очень дорожусь.

Нью-Йорк действительно больше похож на огромное кладбище.

Людам в этом месте нужно немного для ненависти, порой всего одно слово. Недавно увлеклась одним занятным русским поэтом, Маяковским, так он про это говорил. Ну, я отвлеклась немного.

Нью-Йорк намного больше нашего с тобой города, намного больше, но воздуха меньше, свободы тоже, тепла и души меньше. Я бы отдала многое, бросила всё и приехала б обратно, хотя бы на пару дней, может, неделю к тебе, к городу, к улицам, которые я знаю вдоль и поперёк. Я думала, что вернусь на малую родину только в старости, когда мне уже некуда будет торопиться (хотя я и не планировала дожить до неё), но ждать встречи с тобой ещё пару лет я просто не найду сил. Слишком многое накопилось, слишком тяжела душа стала, аж невыносимо. Я скоро приеду, может, через пару месяцев, когда я завершу все свои дела.

Напиши мне хоть слово в ответ, я хочу знать, что ты ещё жив.

Хотя бы жив.

Скучаю и всегда скучала

Элизабет

4.11.1959»

Четвёртое ноября... прошло чуть больше месяца с момента отправки письма. И ещё сколько оно лежало в моём чемодане... месяц? Два? Мне стало ещё страшнее, сердце отчаянно забилося в груди, словно хотело сломать рёбра и убить меня на месте.

Я решил, что нельзя ждать ни минуты. Казалось, у меня ещё было время на то, чтобы оправить ей ответное письмо, ведь она говорила про дела, которые ей нужно завершить в Нью-Йорке. Надежда теперь горела во мне, и всё, что я прочитал, не было вскрыто зря. Она помнила обо мне, хоть и говорит, что изменилась. Мне не хотелось принимать это, в моих воспоминаниях она всегда была задорной, по-своему добродушной девочкой, мечтающей о спасении всех животных и счастье, не привязанном к людям.

Она была независима, и за это я и любил её.

Я взял бумагу для писем у миссис Ройт, что по-прежнему сидела внизу, достал из рабочего стола в комнате ручку, конверт. Сел за стол и только хотел написать ей всё, что теперь меня переполняло, но рука застыла над бумагой, и я не мог выдать из себя ни слова.

Так я и сидел. Солнце медленно катилось за горизонт, косые лучи прорывались сквозь пушистые облака. Холодало. По полу пробежал сквозняк, и по телу изредка пробежала дрожь. Но я не уходил, а продолжал смотреть на пустой лист, стараясь разобраться в себе и в том, что хочу сказать ей. Спустия столько лет... она вновь где-то в мире и хочет приехать, и я на другом его конце, жду и верю, что она осталась всё той же славной девочкой.

Она сказала, что теперь её не узнать. И я надеялся, что это неправда.

В конце концов мне пришлось включить настольную лампу. Когда полностью стемнело, я отложил ручку и достал из-под кровати остатки пива, что принёс с собой после последней вечеринки. Сделал пару глотков, вновь сел на стул и взял ручку. Нет, так вдохновение не найдёшь. Я снял пальто с вешалки и вышел на улицу. Увидев меня в холле, стремящегося к выходу, Габриэла вновь отложила книгу:

– И вы туда же, мистер Моргентау, – горестно вздохнула она. – Сколько вас дома-то не бывает?

– У меня нет дома, миссис Ройт. Только временная обитель, – серьёзно ответил я и, покрепче сжав в кармане сложенный лист бумаги и ручку, хлопнув входной дверью.

Морозная свежесть подарила немного очищения. Мысли стали двигаться чуть спокойнее, и у меня появилась возможность разобраться во всём.

Я решил не мудрствовать и просто пошёл в кафе, на последние деньги решив отведать немного шотландского кофе. Немного, правда, оставил для отправки письма. Письма, которого ещё не было в живых.

Достал сложенный вдвое лист слегка пожелтевшей бумаги (другой у миссис Ройт, видимо, не нашлось), шариковую ручку. В одной руке она, в другой – чашка с шотландским кофе. Он оказался действительно вкусным, но скотч мне нравился больше без примесей.

Я просидел в кафе практически до закрытия. Когда вышел последний посетитель, и мой разум, наконец, остался в одиночестве, мысли потекли рекой. Но всё, что я смог написать, так это всего несколько строк:

*«Я тоже очень скучаю. Приезжай в Норддайт, я теперь живу там.
Наша малая родина, к сожалению, медленно вымирает, не хочу, чтобы ты
это видела.
Жду и надеюсь на встречу,
Адам
23.12.1959»*

Я расплатился за кофе, вернулся обратно в комнату и взял конверт. Посмотрел адрес адресанта, переписал на свой конверт в графу «Кому». Аккуратно сложил письмо и упаковал его. Понадеялся, что оно дойдёт быстро.

Однако отправить его той же ночью я не смог, ибо боялся, что буду жалеть о том, что ещё многого не сказал.

Поэтому мне пришлось напиться, чтобы забыть о тревогах хотя бы ненадолго. Пиво и виски под кроватью как обычно помогли мне убить себя немного быстрее, чем это могла бы сделать жизнь. Или смерть.

Но о ней я никогда не забывал. Ни на минуту. Мысли о том, что монстры, посланники Бездны бродят вокруг, выжидают, пока кто-то не окажется на грани гибели, не давала мне спокойно уснуть по ночам. Мне всегда казалось, что я слышу их вой где-то за окном, на соседних крышах, в темноте спящего пригорода мне мерещились их сияющие, наполненные жадой крови глаза.

Они выходили лишь по ночам. Я знал это. Но даже днём иногда боялся заходить в тёмные переулки.

Я уснул прямо за столом. В ту ночь мне снилась Элизабет.

Глава VIII

Я не мог усидеть на месте. Стоило мне отправить письмо, как во мне тут же начали закрадываться сомнения насчёт своего решения. А нужен ли я? Хотя кому-нибудь, когда-нибудь? Трудно воспринимать себя, как человека, который может быть неотъемлемой частью общества, участвовать в жизни людей сильнее, чем обыкновенный приятель, друг, знакомый. Никогда не мог себя понять, принять, простить, похвалить. И это, наверное, убивает меня быстрее, чем алкоголь и сигареты.

Я устроился на работу в кафе, которое мне посоветовал Людвиг – небольшое кафе, всего один зал, но уютное, с тёплым светом многочисленных ламп, тихой ненавязчивой музыкой. Хозяин – Гумберт – принял меня без вопросов, просто дал заявление, я его заполнил и приступил к работе со следующего дня. Ему срочно требовались помощники, и мне объяснила, что делать, другая сотрудница – Карла. Молодая девушка работала официанткой вот уже три года, мастерски петляя меж столов, соблазнительно двигая бёдрами возле лиц посетителей. Она сказала, что всё, что от меня требуется, так это мыть посуду и после окончания рабочего дня тереть тряпкой полы, шкафы, столы, стулья, стойку. В первый же рабочий день я понял, что это намного труднее, чем звучит. Посуды хоть и было немного, но стоять возле раковины приходилось постоянно, руки начинали морщиться от большого количества воды и мыла, болеть от постоянных монотонных движений. К концу дня, когда последние посетители покидали кафе, и по залу разносился хриплый звон колокольчика над дверью, я выходил с тряпкой и ведром с мутной водой, начинал мыть.

Карла иногда ждала меня, чтобы вместе мы пошли в соседний бар, где могли пропустить по бутылке пива и паре сигарет. Она мне нравилась. Она была простая и открытая, ничего не скрывала, смеялась, когда хотела и не признавала ничего, что идёт вразрез с её мнением.

– Ненавижу этих чистоплюев, – говорила она о работниках банков. – Пришла я туда, значит, хотела взять немного денег со счёта. Так они смотрели на меня так, будто я с помойки только что пришла, да и ещё и в грязи обвалялась. Да, я шла с работы, уставшая как собака, а они... делают вид, что они лучше, что они достойны всех благ, а я нет.

– Это нормально, – качал головой я. – Генералы калитки, они считают себя лучше остальных, если работают на чуть более высокой должности. А на самом-то деле все мы знаем, что они ничего из себя не представляют.

– Вот-вот. Деньги-то я, конечно, взяла, и потом они смотрели на меня нормально... но сам факт.

– Выпьем за то, чтобы таких снобов не было, – мы стукнулись бутылками и опрокинули их.

Обычно я провожал её до небольшого перекрёстка, откуда она сама перебежала дорогу, не обращая внимания на яркие жучки машин, снующих туда-сюда, и скрывалась во тьме переулка, куда мне она заходить запрещала, говорила, что муж её не поймёт.

Я же её понимал, прекрасно понимал. Ревность – опасное чувство, опаснее многих других. Смертельнее только гнев и зависть.

Возвращаться домой мне приходилось пешком. Я шёл сквозь улицы, смотрел на старые дома, немногочисленных людей с тусклыми понурыми лицами. Шёл и думал о своём предназначении, о своей дальнейшей жизни, представлял, как приедет Элизабет, как мы будем бродить вдвоём через потоки дыма, водосточных труб, ярких окон, грязных луж и огромного зимнего неба. Но в те моменты я чувствовал себя по-настоящему однако. В животе всё сжималось от осознания того, что, возможно, я навсегда один в этом мире, что все, кто меня окружают – всего лишь люди, которым стало настолько же одиноко, что мы смогли, наконец, сой-

тись и собираться вместе время от времени. Я боялся, что вновь останусь один. А быть одному, без людей, значит обречь себя на медленную, разъедающую изнутри смерть.

Хотя смерть и так постоянно была со мной. С тех пор, как я осел в этом городке, я только и вижу на крышах домов её посланников. Они выходили из тьмы, лишь когда солнце упадёт за горизонт, и небо прольёт на себя чёрную краску, раскрывая для всех необъятную пасть космоса с белоснежными клыками звёзд. Я слышал их вой, жажду крови видел в жёлтых глазах. Они знали, что я их видел, но меня они не трогали, никогда, и лишь словно бы застывали на месте, дожидаясь своего часа.

На одной улице мне довелось увидеть целых три монстра. На разных её концах – в начале, середине и конце – они сторожили своих маленьких смертных друзей, надеясь, что их собьёт машина, они упадут с моста, напьются до остановки сердца. И я шёл сквозь них, зная, кто и когда умрёт.

На крышах моего и соседних домов ни разу, однако, я не видел Жнецов. Похоже, архангел Гавриил решил пощадить меня, чтобы я не видел гибель тех, кто хоть как-то был связан со мной.

И всё же волнение нарастало с каждым днём. Я ждал ответа на своё письмо, ждал с нетерпением в надежде на то, что Элизабет приедет, как можно скорее и разгонит моё одиночество. Людвиг был наконец-то занят работой и последние дни разъезжал по соседним городам на аукционы, продавал свои не дорисованные картины, которые многим нравились. Да, в них был какой-то шарм, но я видел, через что он проходил, чтобы не дописать очередное творение.

Мою картину он закончил лишь на четверть. Людвиг дал мне ключи от своей маленькой комнаты, чтобы я приглядел за ней.

– Тебе я доверю, так что пригляди за домом, будь другом, – он вручил мне маленький ключик от двери, похлопал меня по плечу и уехал на машине прочь на вокзал. А я остался один, наедине с неполным собой, запечатлённым на холсте грубыми мазками гуаши.

Я часто сидел у него, не в силах противостоять давлению собственных стен. Теперь сидеть в каменной коробке, особенно своей, стало невозможно, мне нужен был свежий воздух, прогулки, веселье, друзья, которые всегда будут рядом. Не всегда это было при себе, но пока у меня была возможность проводить в своей комнатке на втором этаже как можно меньше времени, я пользовался этим. Слава Богу, у Людвига был довольно большой запас алкоголя: скотч, несколько бутылок пива, большие запасы дешёвого вина, пара бутылок водки. Что-то тяжёлое я пить не стал – не для одинокого мужчины бутылки были сделаны, – и ограничился лишь бутылкой вина, растянутой на неделю. Как раз спустя это время вернулся Людвиг, а у меня руках уже были деньги через неделю работы у Гумберта.

– Как аукцион? – спросил я первым делом, пока мы шли к кому-то домой на очередную пьянку.

– Хреново, – расстроенно ответил Людвиг, зачерпывая ногами наполовину растаявший снег. – Людям, видать, больше не нужно искусство, которым я промышляю. Им, видите ли, нужны более цельные картины. Мои тоже цельны, в некоторых даже смысл есть.

– Искусство должно быть цельным. По частям его не продашь, это тебе не чёрный рынок органов.

– У меня получалось. До поры до времени.

– Все заканчивается. Просто продолжай творить. Пока что у тебя есть цель – закончить мой портрет. Вот и стремись к этому.

– Мне иногда кажется, что я не смогу и его закончить, – вздохнул Людвиг, вглядываясь в темноту переулка, в который мы свернули с главной дороги. Внутри как обычно было сыро и темно. Дома, окружавшие маленький дворик со всех сторон, словно огромные крепостные стены, скрывали от нас приятный солнечный свет.

Мы вновь сидели в старой привычной квартире, и только когда Тим откупорил бутылку вина, я понял, что вновь нахожусь там, где мне и положено быть. Эти мысли немного пугали, но я пытался отогнать их от себя, надеясь, что снова скоро забуду этот день, как и было до этого. Да, бежать от самого себя – задача не из лёгких, особенно, когда знаешь, что это невозможно.

Линда вновь была навеселе, сидела в своём привычном кресле, свободно держа двумя пальцами бокал. Она выглядела обворожительно, манила своей мрачной красотой. Тим же был немного подавлен, молча пил и подливал ещё.

– Что происходит? – поинтересовался я, когда мы вдвоём вышли на улицу, затягиваясь сигаретами «Кэмэл». – Выглядишь паршиво.

– Да что может случиться, всё как всегда. С Линдой вот поругались перед приездом сюда. Ей, оказывается, не нравится, что когда мы сюда приходим, я болтаю с другими.

– Женщины – странные, но это их изюминка. Просто прими это.

– Тогда у Линды внутри просто огромное изюмище.

– Оно и к лучшему.

– Это ещё почему?

– Она особенная, по крайней мере для тебя. Ваша жизнь не рутина, и ты должен быть этому рад. Когда всё вокруг становится одинаковым, отношения превращаются в сплошной выматывающий быт. Такое мало, кто вытерпит.

– Да к чёрту это всё. Не дай бог, она ещё и ребёнка захочет, я же тогда совсем свихнусь.

– Если любишь её, то это не проблема.

– Люблю эту стерву, конечно, люблю, – буркнул Тим, выдыхая дым в морозный воздух, где он сливался с безжалостно беспечным небом. Где-то сверху каркали вороны.

– Но как с ней жить – ума не приложу, – закончил он.

– Наплюй, хотя бы на этот вечер. Вот увидишь, всё хорошо будет.

– Обещаешь?

– Не люблю давать обещаний. Они тогда вряд ли исполнятся.

– Тогда помолись за меня и Линду, – рассмеялся Тим. – А не то я однажды её убью.

– Ладно. Но давай без убийств.

– Ничего обещать не могу.

Вечер прошёл как обычно. Линда с Тимом вновь поругались, она убежала вниз, плача и крича проклятия с лестницы:

– Ненавижу тебя! Как я вообще с тобой живу! Я съезжаю!

– Вы съехались? – спросил Людвиг, когда цокот её туфель стих.

– Да, пару недель назад.

– По взгляду вижу, что всё не так легко, как оказалось.

– Ох, и не спрашивай. Сплошная бытовуха.

Когда стемнело, я отправился вниз. Мне нужно было проветриться, немного освежить голову. Людвиг напросился со мной. Мы шли по широкой улице и молчали. Говорить совсем не хотелось, настроение отчего-то куда-то пропало, и мы просто смотрели на яркие прямо-угольники окон, слушали шум уходящего на покой пригорода, мечтали каждый о своём. Мне хотелось поскорее дожить до того момента, когда я вновь получу письмо от Элизабет, ибо с каждым днём ожидание становилось всё мучительнее. Каждое утро я спускался в холл к миссис Ройт:

– Писем для меня нет?

– Пока что пусто. Как придёт что-нибудь – тут же принесу.

– Спасибо, Габриэла.

Обычно я садился рядом, она приносила мне кофе и продолжала читать книгу. Не знаю, что интересного она находила в бульварных романах о типичной любви со счастливым концом, но она сидела и смотрела на бумагу с горящими от страсти глазами, и тогда я понимал,

что она явно хотела бы такой же любви: чистой, светлой, без намёка на грязь и пошлость, где нет места животным инстинктам. Не хотелось её расстраивать, ведь и она, и я понимали, что такого никогда не бывает. Любовь – эмоциональная мясорубка, из которой сложно вытащить себя самостоятельно. Легко влюбиться, но вот разлюбить значит потрошить себя, вытряхивая осточертевшие воспоминания и убивая чувства. И когда ты наконец понимаешь, что больше не любишь, в голове и сердце остаётся лишь одинокая пустота. И от этого становится ещё больнее, ты думаешь, что больше никогда не сможешь найти такого же, как «тот самый», которого ты любил больше жизни. А потом в жизни появляется кто-то ещё и разбивает тебе сердце. И так по кругу.

В этом и заключается наша свобода – в возможности выбирать, отчего нам будет больно. Кто-то выбирает алкоголь и наркотики, кто-то всецело отдаётся любви, но суть всегда одна. В конце все и всегда страдают. И это нормально.

– Где мистер Ройт? С ним всё хорошо? – спрашивал я иногда Габриэлу перед тем как уйти к себе.

– Опять в запое. Надоело уже. Каждый день одно и то же, – горестно вздыхала она, со злостью в движениях переворачивая страницу. – Уже и не надеюсь, что одумается. Он ведь как старая псина – новым трюкам не научишь, а старые привычки он не забудет. Вот и живу теперь с ним, с этим придурком.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.